

СПАСАТИ ЧАЭС

Книга 5

ДАМИРОВ И ГАУСС

Спасти ЧАЭС

Максим Гаусс

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 5

«Автор»

«Автор»

2023

Гаусс М.

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 5 / М. Гаусс — «Автор», «Автор»,
2023 — (Спасти ЧАЭС)

Два попутанца – Алексей Савельев и Андрей Петров встретились осенью 1985 года, в крайне напряженной обстановке. У них одна цель, одно дело. Героям предстоит совершить невероятное – предотвратить аварию на Чернобыльской АЭС. Им известна точная дата, время и место. Известны причины. Есть четкий план. Вот только что-то пошло не так...

© Гаусс М., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Постановка вопроса	5
Глава 2. Странности	11
Глава 3. Неясные моменты	17
Глава 4. Хорошие плохие новости	23
Глава 5. Первые ответы	28
Глава 6. Попался!	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Гаусс, Рафаэль Дамиров

Назад в СССР: 1985. Книга 5

Глава 1. Постановка вопроса

Несколько долгих минут мы молча сидели и смотрели друг на друга.

Наконец, Нагорный сплюнул кровь и спросил:

– Ну и из какого ты года?

Если бы кто-то из советского времени услышал подобный вопрос, он покрутил бы пальцем у виска. Однако оба понимали всю глубину вопроса – мы оба попаданцы во времени. И оба застали развал Советского Союза. Оба успели пожить в другой стране.

– Из две тысячи двадцатого года, – мрачно ответил я. – А ты?

– Двадцать второго. Кем был до всего этого?

– Подполковник войск РХБЗ, погиб в Сирийской Арабской Республике на боевом задании. Пристрелили, причем свои же. Помешал важным людям вершить бизнес.

Звучало, конечно, двусмысленно.

Вопросительно посмотрел на Андрея, ожидая его историю.

– У меня не столь интересно. Был оперативником уголовного розыска, в звании майора, – вздохнул тот. – Близкий друг оказался убийцей, сбросил меня с балкона. Короче, разбился я об асфальт.

– Ясно, – кивнул я. – Ну а как тебя звать-то? На самом деле.

– Андрей.

– Стало быть, имя настоящее. Фамилия Нагорный? – на всякий случай уточнил я.

– Был им в прошлой жизни. А сейчас я Петров. Уже почти семь лет как.

Я без лишних пояснений догадался, что кроется за этой цифрой.

– Ты что, с семьдесят восьмого здесь? – слегка удивился я.

– Ну... А ты?

– С восемьдесят четвертого. В старшекласника попал. Потом в армию пошел.

Снова повисла пауза.

– Если ты не Филатов, то кто?

– Имя осталось прежним, Алексей. Фамилия, не моя. Так-то я Савельев.

Продолжая сидеть на асфальте, задрал голову и посмотрел на небо. Дождь потихоньку стихал.

– Почему ты решил, что я причастен к аварии на станции? – вдруг спросил Петров.

– Долгая история, – рассказывать сейчас всю мою новую биографию, можно не один час.

И Андрей это понял.

– Значит, ты действительно мент? – поинтересовался я, увидев, как тот достает из мокрой куртки ксиву.

– Да, капитан милиции. Состою в межведомственной следственной группе. Работаем в Припяти по серии убийств.

– А это случайно не та группа, что из Москвы прибыла? Кажется, по делу, где двух женщин и мужика убили? – на всякий случай уточнил я, быстро сопоставив факты.

– Они самые, – Петров скользнул по мне колючим взглядом. – Полагаю, что к гражданке Цветаевой, которой вчера перерезали горло, ты отношения не имеешь?

– Вообще не в курсе. Случайно там оказался. Услышал стон среди бревен, подошел... А там такое! Какая-то женщина меня увидела, орать начала. Пришлось бежать.

– Интересно получилось.

– Это только малая часть моих бед, – невесело усмехнулся я. – С недавних пор я дезертир, сбежал из-под охраны военной комендатуры. СОЧинец, короче. Случайно попал в поле зрения одного участкового в Новошепеличах... Поселок тут небольшой, под Припятью.

– Я в курсе. Выезжали на место.

– Шустрый ты, – хмыкнул я, затем продолжил: – Участковый тот меня в камеру хотел посадить, потому, что ему сверху «мулька» прилетела. Пришлось импровизировать.

– Знаю, видел материалы дела. Мне еще показалось странным, что все произошло при таких обстоятельствах.

– Но и это еще не все... – на этом моменте я осекся. Рассмеялся даже.

– Ну, говори уже. Вряд ли меня что-то сможет удивить больше, чем наличие в этом времени и городе такого же, как и я, попаданца.

– Может, не здесь?

Действительно, сидеть мокрым и окровавленным среди грязных луж, облокотившись спиной о стену, и рассказывать о своей насыщенной жизни было как-то не комильфо.

– Согласен, не самое лучшее место! Хорошо бы привести себя в порядок, отойти и поговорить в цивилизованном месте... Только тут проблема. Ты ведь в розыске!

– Знаю. Видел на себя ориентировку, – пробурчал я, трогая опухший нос.

Петров на секунду задумался.

– Ну, придется попотеть, но с этим я могу помочь. Спустим все на тормозах. Уж по убийству я точно вопрос решу. С участковым отдельно побеседовать надо, но и это не главная проблема. А вот тот факт, что ты дезертир... Тут я бессилен! А откуда сбежал?

– Здесь под Чернобылем, загоризонтная радиолокационная станция есть. «Дуга-1» называется. Может, слышал?

– Это не «Око Москвы», случайно?

– Она самая. Подставили меня. История длинная.

– Попробую разузнать что-нибудь.

– Буду благодарен.

– Сочтемся, – он поднялся, протянул мне руку. Хотел помочь подняться.

Я поступил аналогичным образом и тут же зашипел от боли – правая ладонь была распоротая куском стекла.

– Дерьмо...

– Тебе бы в больничку, чтобы заштопали, – заметил Петров. – Но с такой мордой будут вопросы.

Само собой, они будут. Сейчас мы оба были похожи на двух алкашей, не поделивших бутылку. Вот только если он, как милиционер, вполне мог объяснить ситуацию и получить квалифицированную медицинскую помощь, то со мной дела обстояли куда сложнее.

– Есть, где отлежаться? – поинтересовался Андрей.

– Есть. Только в таком виде я туда не доберусь.

Все тело уже ломило от боли, рука горела огнем. В голове гудело. Дышать через нос не получалось – все опухло, кровь начала подсыхать.

– Короче так, машину я сейчас организую. Сам отвезу тебя, куда скажешь. Поищу доктора. А потом мы с тобой сядем и обсудим все вопросы. Что скажешь?

– Хороший план, – похвалил я.

– Кстати, а ты местный?

– Да, семья у меня здесь. Неродная, конечно.

– В смысле неродная? – удивился капитан. – Ты не в свое тело попал?

– Нет. В этом времени лет двенадцать было. Уже видел себя в юности.

Тот выглядел озадаченным.

– Хорошо. Где тут ближайший выезд?

– Как сюда попали, так и выходить нужно. К «Энергетику» примыкает дорога. Лучше всего подъехать туда.

– Понял тебя.

Петров отжал куртку, вновь накинул ее на плечи и, прихрамывая, зашагал к выходу. Вскоре он скрылся из виду.

А я, увидев стоящий в углу деревянный ящик, сел на него. Выдохнул.

Затем, глядя в серое небо, громко расхохотался.

Вот так история получилась – даст ист фантастиш! Оказывается, я не один такой пере-рожденец в СССР?

Насколько все запутанно – голова кругом идет. По ней, конечно, и так сегодня нехило прилетело, но кружилась она не по этой причине. Скорее, от осознания того, что все это нереально, невероятно сложно... А может, у меня бред?

Нет, никакого бреда не было.

По всему получалось, что тот, кого я косвенно подозревал в участии диверсии на Чернобыльской АЭС, отнюдь им не являлся. Наоборот, попав во времена «застоя», он избрал иной путь, став милиционером. Не знаю, может, и не самая благородная жизненная цель, но тоже ничего. По крайней мере, не пошел в олигархи и не приложил руку к созданию Яндекса, не влез в политику и не попытался спасти СССР. Как он там сказал, с 1978 года здесь?

Я встал, чуть размялся. В целом, кроме распоротой руки, серьезных повреждений у меня не было. Синяки, мелкие ссадины, царапины. Достаточно помыться, обработать легкие раны и хорошо выспаться. Через недельку, максимум другую – буду как новенький.

Примерно минут через двадцать я услышал, как за стеной остановилась машина. Прозвучал гудок клаксона. Скорее всего, подъехал Петров.

Я направился к выходу из внутреннего дворика, миновал сломанную дверь. Поискал взглядом выход – вновь лезть через двухметровый забор совершенно не хотелось.

Двинулся вперед и почти сразу разглядел лежащий среди травы пистолет. Это был «Макаров». Наверное, Петров обронил, когда пытался меня догнать.

Подобрал ствол, сунул его в карман толстовки.

Поначалу я подумал, что будет черная «Волга», которую я видел у гастронома, где покупал лимонад. Но потом отмахнулся от этой мысли – Андрюха не настолько глуп, чтобы представить своим товарищам того, кого разыскивает вся Припятская милиция.

Я отыскал калитку, вышел и обогнул пристройку по кругу. Увидел белую машину такси, тоже «Волгу». Точь-в-точь такую же, как в фильме «Бриллиантовая рука». Рядом стоял Петров, выглядел он гораздо бодрее. Куртки на нем уже не было, вместо нее какая-то спортивная олимпийка. Лицо вымыто и слегка обработано, на лбу широкий пласт лейкопластыря.

– Такси? – удивился я.

– Не совсем, – махнул рукой тот. – Служебное авто.

За рулем был молодой водитель типичной восточной наружности. Это уже потом, лет так через двадцать, его родственники будут сидеть во всех маршрутках и дружно нарушать правила дорожного движения. Ну или шаурмой торговать.

Не шибко мне хотелось лезть в салон – ведь все кровью запачкаю. Но других вариантов не было. В общем, забрался я на заднее сиденье, рядом сел Петров.

– Поехали, – он повернул голову в мою сторону. – Адрес?

– Я покажу. Адреса и сам толком не знаю.

Через минут двадцать меня высадили у края дороги, которая вела к дому друга подполковника Кошкина. Недавно прошедший дождь превратил и без того плохую дорогу в сплошную грязь, тут только на УАЗе можно продраться.

Напоследок сказал Петрову, что врача не нужно – сам как-нибудь разберусь. Тот понимающе хмыкнул, но настаивать не стал. Там же в машине я передал ему найденный «Макаров». Не скажу, что он сильно обрадовался, но ствол забрал.

До дома я добрался минут через двадцать.

Закрыв за собой дверь, я просто рухнул на диван в гостиной и мгновенно отрубился. Успел только глянуть на часы – одиннадцать пятнадцать.

* * *

Глаза я открыл почти в полной темноте – лишь слегка угадывался лунный свет, проникший через окна снаружи. Где-то неподалеку ухала сова. Надо же, не знал, что под Припятью совы жили.

Взглянул на часы – почти три ночи. Ни хрена ж себе меня выключило! Вот что бывает, когда организм затрагивает скрытые внутренние резервы.

С трудом поднялся, по ощущениям казалось, будто меня долго и интенсивно били. Впрочем, так оно и было. Думаю, Петров сейчас чувствует примерно то же самое.

Включил свет, отыскал аптечку. Перевязал свою опухшую руку – рана выглядела плохо. Нужно бы посетить медсанчасть, вот только как это сделать?

Насколько я помню, милиция там никогда не дежурила на постоянной основе. Ну, за исключением короткого послеаварийного периода – тогда было организовано оцепление, чтобы члены семей не прорвались к облученным. Это касалось пострадавших в пожаре работников станции и самих пожарных.

В общем-то, если привести себя в порядок, можно попробовать получить помощь. Придумать правдоподобную легенду. Например, травму руки получил на охоте или на рыбалке. Наверное, утром так и сделаю.

Сходил в душ. В доме его не оказалось, а расположенный на улице летний вариант оказался весьма прохладным. Впрочем, я все-таки помылся.

После этого почувствовал себя значительно лучше. Обработал лицо и свой разбитый нос – сейчас он выглядел печально. К счастью, удалось вправить его обратно без последствий. Хрящи неприятно похрустывали, отчего болью аж в затылок отдавало. Но перелома, вроде бы, не было.

Затем я перекусил тем, что осталось от сухих пайков. Запихивал в рот все съестное, запил горячим чаем. Завел будильник на десять утра, после чего вновь рухнул на тот же диван. До четырех утра не спал, потом все-таки вновь задремал.

Проснувшись, наскоро влил в себя чай, переоделся в свою старую одежду, которую взял из схрона Лисицына и неторопливо отправился в медсанчасть. Расстояние небольшое – пара километров.

Если я правильно понял, мой новый друг посодействует в сложившейся проблеме и снимет меня с розыска. По крайней мере, из тех эпизодов, что касались стычки с участковым Роговым и убитой девушки. Хорошо, если эта следственная группа будет заниматься своими убийствами и не станет выяснять, кто я такой на самом деле.

Разумеется, быстро отмазать меня не получится – понадобится неделя, а то и две.

До МСЧ-126 добрался без проблем. Далеко на горизонте прошествовал патруль, но до меня им не было никакого дела. Попробуй-ка с такого расстояния по кривому фотороботу опознай человека...

Обратился в регистратуру, меня тут же сопроводили в процедурную.

Уже пожилой хирург сам оказался заядлым рыбаком и очень понимающим мужиком. Он основательно подошел к решению проблемы, зашил рану, наложил удобную повязку. Про нос и общее состояние лица тоже упомянул. Пришлось сочинить историю про яростный спор

между собутыльниками, который закончился типичным мордобоем. В принципе, получилось очень правдоподобно. Главное, что нужную медицинскую помощь я получил, а остальное меня не волнует.

На выходе из медсанчасти я неожиданно столкнулся с... Майором Прудниковым!

– Савельев? Ты, что ли? – прищурился офицер, перегородив проход. За полгода он набрал лишнюю массу, став немного похож на колобка.

– Здравия желаю, товарищ майор! – удивленно ответил я. – Вы тут как?

– Да не майор я уже, – скривился Прудников. – И вообще, больше не военный. Комиссовали меня в начале лета по состоянию здоровья. Каждый месяц теперь прихожу на осмотр. Сердце после того пошаливает. Так, погоди! А ты почему здесь? Что с рукой?

– После тех событий многое изменилось. Долго рассказывать. В общем, недавно травму получил. Был на перевязке. Кстати, как у вас отношения с Маргаритой? Как Богдан?

При этих словах Прудников как-то странно улыбнулся.

– Сильно торопишься? Я сейчас на осмотр к кардиологу схожу, вернусь минут через пятнадцать. Все расскажу. Подождешь?

– Честно говоря, тороплюсь, товарищ майор, – я постучал пальцем по часам.

Тот сначала нахмурился, но быстро вспомнил, что я все еще военный и выполняю чьи-то приказы. У срочника своего свободного времени нет.

– Ладно, беги, – вздохнул он. – Но если что, я тут часто теперь бываю.

Осторожно пожал ему руку, затем двинулся обратно. Выходя на улицу Курчатова, едва нос к носу не столкнулся милицейским патрулем.

Один рядовой, другой младший сержант.

Они скользнули по мне взглядом, увидели перебинтованную руку. Но к счастью, никак не отреагировали и пошли дальше. А я, судорожно выдохнув, поспешил к пешеходному переходу. Чем быстрее я уйду из оживленного района, тем лучше.

Через двадцать минут добравшись до грунтовой дороги, ведущей к моему убежищу, я заметил стоящую на обочине черную «Волгу». Сразу догадался, что это по мою душу. Вот только кто? Андрей Петров или кто-то из комитетских?

Мысль о том, что он меня слил, не казалась мне очевидной. Но чем черт не шутит, вдруг от меня и здесь просто хотят избавиться? Что-то в последнее время я стал излишне подозрительным, хотя опять же, на сей раз чуйка молчала. В любом случае, при следующем разговоре нужно расставить точки над «И» и поболтать с «коллегой по несчастью» по душам. Выяснить, чем он дышит. А если мы с ним «одной крови», то почему бы не привлечь его к своему делу?!

Снова начал моросить мелкий противный дождь. Чтобы не месить грязь, прошел через посадку, направился к дому. За эти два неполных дня никого из местных жителей здесь я не видел. Однако сейчас, неподалеку от первого дома, на поваленном бревне увидел человека в черной куртке. Это был Петров.

При моем приближении он поднялся, неторопливо двинулся навстречу. Про себя отметил, что он все еще прихрамывал – мой лоу-кик он запомнит надолго.

– Ну, здорова, Алексей! – он протянул мне руку.

– Здравия! – по-военному произнес я.

Ответил на рукопожатие лишь символично – рука-то забинтована. Он это дело сразу отметил, поэтому спросил:

– Смотрю, рана серьезная? Уже в больничку смотался?

– Я же говорил, что сам разберусь. Не впервой.

– Да я и не сомневался, – улыбнулся он, затем добавил: – Леха, я пришел не просто так...

У меня к тебе серьезный разговор.

Заметил, что у него на плече висит довольно большой рюкзак.

– Понимаю, – отозвался я. – У меня к тебе тоже вопросы имеются. Идем в дом, погода что-то совсем дерьмовая!

Открыв входную дверь, я пропустил Петрова внутрь.

Пока я раздевался, тот ловко скинул рюкзак. Что-то звякнуло об стол.

Обернувшись, я увидел, что Андрей достает из рюкзака закуску, консервы. На журнальном столике уже стояли две бутылки «Столичной».

– Стаканы найдутся? – улыбнувшись, поинтересовался он.

– Найдём. Безвыходных ситуаций не бывает! – усмехнулся я, сообразив, в каком русле будет проходить наша беседа по душам. Такой расклад меня устраивал куда больше, чем в предыдущий раз – до сих пор носом дышать не мог.

Не прошло и получаса, как мы уже разогретые, обсуждали впечатления от встречи.

– Я даже не думал, что мне встретится кто-то еще из другого времени, – активно жестикулируя, говорил Андрей. – Я и тогда, в семьдесят восьмом не понял, что толком произошло. Просто принял как есть. А когда ты заикнулся про аварию на атомной электростанции, у меня в голове как будто что-то щелкнуло. Знаешь, у меня отец работает журналистом... Случайно раскопал где-то в секретных архивах информацию о ранее произошедших в Союзе радиационных авариях. Годов с пятидесятых. Он считает, что они имеют общую связь.

– А отца, случайно, не Григорий зовут? – поинтересовался я, отрезая себе кругляш «Докторской».

– Уже познакомился? – изумился Андрюха, отставляя бутылку в сторону. – Когда успел?

– Да так, судьба свела. Еще в восемьдесят четвертом году, в поезде вместе ехали. Я ведь вас с ним вместе видел, и не раз. В марте этого года, в гостинице Припять. Я тогда отчего-то решил, что ты иностранный диверсант, а Григорий осведомитель. Он тебе документы передавал, а я думал там имена, явки, пароли...

– Да какой из меня диверсант? – усмехнулся Петров, наливая очередную порцию сорокоградусной. – Я про устройство этих станций атомных ни черта не знаю. Вообще. Но отец много чего раскопал, просил кое-что проверить. Но все как-то за уши притянуто. Никакой конкретики. Но я-то помнил, что в восемьдесят шестом году действительно произошла авария, из-за которой потом Припять эвакуировали. Только при чем тут диверсия? Была же авария, ошибка персонала. Разве нет?

Я тряхнул головой.

– А вот на эту тему, Андрюха, я и хотел с тобой поговорить! Я практически уверен, что дефектами реактора воспользовались, чтобы устроить диверсию.

– Кто воспользовался? – нахмурился Петров.

– Это нам и предстоит выяснить...

Глава 2. Странности

Наша беседа все продолжалась.

– Вот ты скажи мне, какой смысл в том, что мы умерли в будущем, а очнулись здесь, в СССР? Высшие силы не просто так дали нам второй шанс!

– Ай, не грузи, – качнул головой Андрей. – Думаешь, за семь лет мне в голову не приходила эта мысль? Да я первый месяц вообще не мог в себя прийти от осознания факта случившегося. Но знаешь, сориентировался я быстро!

– Ну да, конечно. Вот ты в прошлой жизни кем был? Ментом? А оказавшись в Союзе, снова пошел по той же дорожке. Как так?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Меня все устраивало. Захотел пройти этот путь заново, без ошибок.

– Но ты же мог стать кем угодно! Использовать знания из будущего на свое усмотрение... Разбогатеть, занять любую должность! Почему пошел по второму кругу?

– Я об этом не думал.

– Ну, ладно. И что, многое удалось поменять?

Видно было, что Петров основательно задумался. Правда, в подвыпившем состоянии мыслительный процесс шел со скрипом.

– Ну, в целом да. В прошлой жизни я сам дров наломал. Все работа, работа... А то, что от меня там жена ушла, и я по карьерной лестнице не добился ни хрена, так то сам виноват. Сейчас я строю свою карьеру заново, иду по тому же пути, не допуская прежних ошибок. И честно говоря, я рад тому, как все обернулось.

– Рад? – переспросил я. – Семья есть? А дети?

Под «сорокаградусную» разговор пошел куда-то не туда.

– Ты вообще для чего все это начал? – Петров посмотрел на меня мутным взглядом.

– Ну... Я перед собой цель важную поставил, – я снова завел предыдущую песню. – Предотвратить аварию на электростанции! Сам посуди, какое это окажет влияние на всю страну! На людей! Шанс основательно изменить историю всего Союза. И это вполне реально!

Петров фыркнул.

– А чего ты фыркаешь? Мы знаем дату, знаем время. Знаем причины. Ну, понятно, что истинная причина случившегося все равно может оказаться иной, несмотря на собранные мной косвенные доказательства. У нас есть достаточно времени на подготовку. Я знаю, как организована охрана на станции, знаю внутренние расположения помещений. Знаю устройство и принцип работы энергоблока. Знаю хронологию событий, знаю, кто и как будет себя вести. Знаю, на каком этапе можно все остановить. Я тебе, Андрюха, больше скажу. Я даже примерно представляю, где будет заложено взрывное устройство.

– Бомба, что ли? – усмехнулся Петров. – Ты серьезно? Там была авария, а не теракт.

– Сильно в этом сомневаюсь, – я прицелился, неуклюже подловил вилкой из банки кусок тушенки. – Я почти уверен, что организованную диверсию очень умело выставили как аварию. Но чтобы такое проверить, диверсанты должны были тщательно подготовиться. За несколько месяцев точно.

Пока я говорил, меня даже алкогольное опьянение как-то незаметно отпустило. Ход мыслей был предельно ясный, язык почти не заплетался. Я прекрасно понимал, о чем говорю и это добавляло мне уверенности. Конечно, жаль, что Андрей в этой теме не разбирается. Зато он мент с большим стажем, и судя по тому, что в свои двадцать пять лет он уже в звании капитана, карьера у него действительно пошла. Наверняка и связи соответствующие есть.

– Ну и? – после продолжительной паузы, спросил тот.

– Что, ну и? Ты мне поможешь? – спросил я напрямую, без шелухи.

Несколько секунд Петров соображал. Морщился.

– Слушай, Леха... Я плохо понимаю тебя. Помочь в чем? Как ты хочешь повлиять на это масштабное событие? Ворваться с оружием на этот, как его... Пункт управления и остановить работу всей станции? Если действовать такими методами, то чем ты лучше тех, кто якобы, спровоцировал эту аварию?

– Хотя бы тем, что персонал останется жив. Ты вообще в курсе, что половина сотрудников четвертого энергоблока погибла? Не сразу, но все-таки.

– Знаю, – пробурчал Андрей. – Ну, если только так...

– И незачем останавливать всю станцию. Только четвертый энергоблок. Но тут тоже тонкий момент... Чтобы спровоцировать аварию, нужно оказать влияние сразу на несколько ключевых моментов. Вероятность того, что это вообще могло произойти, очень мала. И, тем не менее, это все равно случилось. Мы никогда не узнаем, какой был план у врага, и все ли прошло, как им было задумано. Но мы точно можем вмешаться и все сорвать. Дата была выбрана неслучайно – тогда же проводился эксперимент.

– Хорошо, допустим, ты прав. Что помешает руководству станции провести эксперимент повторно, скажем, в мае месяце?

– Ничего.

– Вот и я о том же. Глупо это. Я думаю, что нужно написать соответствующие письма в Министерство Атомной Энергетики, Минсредмаш. В КГБ, в конце концов. Предупредить, что такой эксперимент проводить на станции нельзя. Предупредить, чтобы усилили пропускной контроль. Осмотрели весь энергоблок, устранили дефекты. Да хоть на техническое обслуживание его пусть ставят!

– Ага! И кто тебя послушает? – весело хмыкнул я. – Кто ты такой? Андрей Петров – простой милиционер? Зачем им слушать человека, совершенно не разбирающегося в работе ядерного реактора? Тебя проще закрыть, чтобы глаза не мозолил и не болтал лишнего. Примерно так же, как поступили с другими.

– С какими другими?

– Ты, наверное, не в курсе, что практически все дефекты реактора РБМК были известны задолго до Чернобыльской аварии?

– Чего? – нахмурился Андрей. – В смысле?

– В прямом! В 1975 году на Ленинградской АЭС случилось то же самое, только в куда меньшем объеме и без разрушения активной зоны. Тогда провели разбирательство, выяснили, в чем проблема. И знаешь что?

– Что?

– Ничего. Отчет просто изъяли и засунули в один из секретных архивов, которые контролировало КГБ. Ничего не было предпринято. А люди, которые знали суть проблемы, были либо уволены, либо сели за решетку.

– И почему?

– Потому, что если бы официально признали проблему, это было бы ударом по репутации советских инженеров и проектировщиков. По сути, это пощечина им. Мол, товарищи академики и конструкторы, ваш реактор – говно. Переделывайте. Представляешь, как выглядел бы СССР, если бы начал массово перестраивать свои же реакторы, которые изначально были заявлены как самые лучшие и безопасные?

По лицу Петрова я понял, что он ни черта не понял.

Так и оказалось. А я продолжил:

– Дальше, в 1982 году уже здесь, в Чернобыле тоже произошла небольшая авария с разрывом технологического канала. Опять же, по той же самой причине. И снова ничего не было сделано. Я видел копии архивов, если бы академик Легасов не покончил с собой, все тоже бы замяли. И Чернобыльский сценарий повторился бы еще где-нибудь.

– Слушай, Леха! – подняв кусочек сала к глазам, Андрей громко икнул. – Откуда ты все это знаешь?

– Да, так... Еще в прошлой жизни интересовался.

После небольшой паузы Андрей громко зевнул.

– Я сейчас пьян, мысли путаются. Давай потом об этом поговорим?

Вынужден был с этим согласиться. Пожалуй, меня понесло – решил высказать все в неудачный момент. После того, как отрезвеет, тогда можно.

Одна бутылка «Столичной» уже была распита и валялась на полу. Вторую мы опорожнили примерно на четверть. Закуски Андрей притащил более чем достаточно. В рюкзаке была и колбаса, и сало, и консервы. Я бы сказал, тут на четверых хватило бы.

Но если честно, такое питание «на сухарях» меня уже порядком подзадолбало. Хотелось нормально покушать горячего, жидкого. Эх, борща бы сейчас или супчика. Ну, или картошечки с котлеткой, тарелку пельменей. Жаль только, что пока это не представлялось возможным.

И хотя столовых в Припяти было достаточно, дорога туда мне была пока закрыта. Пока Андрюха не поспособствует «снять» меня с розыска, я так и буду вести подпольный образ жизни в роли отшельника.

Часа через два, практически опорожнив вторую бутылку, мы оба просто вырубались – заснули прямо у стола. Петров на диване, а я в позе эмбриона на кресле. Не рассчитали мы, чего греха таить? Честно говоря, напиваться я не планировал в принципе, но как-то под разговоры само собой получилось.

Когда я проснулся, Андрея уже не было.

Такое положение вещей меня слегка удивило. Впрочем, очевидно же – он действующий милиционер, а потому едва проспался, сразу сорвался на работу. Они ж со следственной группой расследуют серию убийств, до которой мне, честно говоря, никакого дела нет...

Удивительно, но после почти двух выпитых бутылок водки голова совершенно не болела. «Столичная» оказалась качественной, хотя в СССР паленая водка была повсеместно.

Шустро навел порядок после нашего безобразия, выбросил весь мусор. В общем, привет место дислокации в надлежащий вид.

Быстро темнело. Погода была тихая, почти безветренная. Закат был в самом разгаре.

Невольно подумал о своем новом друге.

Вроде бы с Петровым все понятно: бывший оперативник уголовного розыска, циничный, решительный. Еще упертый и настойчивый, правда, на своей волне. Впрочем, разве я другой? Вот только между нами есть одна существенная разница – перед ним нет глобальной цели! Он просто снова проживает свою жизнь заново, минуя ошибки, сделанные в прошлой жизни, которые в итоге и завели его в тупик. Я, конечно, могу ошибаться, но пока общее впечатление о моем новом друге таково.

Устав сидеть в доме, я выбрался на крыльцо, увидел в углу деревянный табурет, с облезшей на ножках краской. Сдув с него пыль, я уселся и упершись спиной о стену дома, замер. Смотрел по сторонам, потом на звездное небо.

Поймал себя на мысли, что за все мое время пребывания в восьмидесятых, я еще ни разу не оставался наедине с собой, так, чтобы ни о чем не думать. Всегда было какое-то обстоятельство, которое занимало мои мысли, не давая просто насладиться тишиной и спокойствием окружающей природы. Что ни говори, а сейчас Припять – красивый и чистый город, еще не загрязненный человеком и радиацией. То же самое касалось и прилегающей к городу территории.

Где-то неподалеку снова ухнула сова. Тихо шумел ветер в кронах деревьев, где-то стрекотал одинокий сверчок. Благо пока еще сохранялись теплые дни, все-таки начало сентября.

Самочувствие после пьянки на редкость было хорошим, спать не хотелось совершенно.

Вместо того, чтобы торчать в доме, я решил прогуляться вниз по дороге, ведущей к Яновскому затону. Где-то там, на юго-востоке находился грузовой порт. Массивные портовые краны я видел издали не один раз – попробуй таких гигантов не заметить. А вот вблизи никогда не был.

В прошлой жизни в портовой зоне побывать тоже не удалось, да и кто бы отпустил двенадцатилетнего пацана так далеко?

Недолго думая, я встал и отправился в сторону затона. До берега было около пятисот метров, не очень много. И хотя никакого освещения на дороге не было, добрался я быстро и без проблем.

Посидел немного на берегу, покидал камешки в воду. Подышал речным воздухом, пропитанным тиной, послушал, как где-то в камышах пищит выпь.

Почему-то подумал о рыбалке. Вспомнил, как на мое прошлое день рождения с друзьями жарили шашлык с овощами, потом ловили рыбу. Эх, всего-то чуть больше года прошло, а как все изменилось с тех пор!

У дома, где я временно обосновался, в небольшом покосившемся сарае приметил сразу несколько старых удилищ из бамбука, пару телескопических удочек и даже браконьерскую сеть. Видимо, друг Кошкина был заядлым рыбаком, раз в сарае полно снастей. Про себя отметил, что пока я веду образ жизни бродяги, почему бы не посидеть на берегу и не половить рыбу? Говорят, это хорошо успокаивает нервную систему и, вообще, дает гармонию с самим собой. Все равно от моих действий пока ничего не зависит. Вся надежда на Андрея...

Нет, я и раньше-то бывал на рыбалке, правда, обычно в компании. Рыбалка соло была для меня в новинку. Решил, что завтра с утра можно наведаться сюда с парой удочек. Еще бы бутылочку холодного «Жигулевского» с собой прихватить...

До самих кранов было еще метров сто, да и вряд ли кто-то разрешил бы просто так бродить по территории порта. Отсюда мало что можно было увидеть – мешали камыши. Однако кое-что интересное я все же заметил.

К причалу подошло какое-то небольшое судно. Было похоже на темное пятно, плывущее по воде. Станным было то, что у корабля были отключены все огни. Словно это летучий голландец.

Практически сразу после швартовки началась разгрузка, какая-то суеда. Бегали люди, с ящиками и большими коробками. Это показалось мне странным. Судно без опознавательных знаков, ночью, да еще и сразу на разгрузку? Что-то тут не так!

Конечно же, увиденное меня очень заинтересовало. Где-то в мозгу стрельнула запоздалая мысль – почему я везде нахожу приключения на свою пятую точку? Ну, серьезно. Где бы я ни оказался, обязательно что-то случается. Сразу вспомнились слова полковника Андрея – ты, Алексей, генератор для неприятностей.

Сейчас я был похож на овчарку, взявшую след.

В общем, тихо двинулся я вдоль берега, стараясь подойти как можно ближе.

К сожалению, еще и луна зашла за тучу, поэтому рассмотреть что-либо было почти невозможно. Нужно было подойти почти вплотную.

На самом деле речной грузовой порт сильно отличался от тех же рыболовных портов. Здесь не было стоянки кораблей, не было пирсов.

Та часть порта, что подходила к воде, была выполнена из железобетона. Выше стояли сами портовые краны, еще дальше кирпичные административные здания. Насколько я помню, после аварии этот порт использовался исключительно для нужд ликвидаторов – с помощью больших портовых кранов сгружали с барж подвозимый песок, щебень и цемент. Потом из этих материалов на ближайших бетонных заводах возводился объект «Укрытие».

А до аварии порт использовался для строительства пятого и шестого энергоблоков и подготовки строительной площадки для нового микрорайона города. Все окончательно было бро-

шено в середине восьмидесят седьмого года, когда четвертый блок уже накрыли саркофагом и закончили большую часть дезактивирующих работ.

Неизвестное судно пришвартовалось, причем очень необычным образом. Пирса в порту никогда не было, имелся лишь огромный плавающий кран. К нему для чего-то временно навели небольшой понтонный мост.

Подобравшись почти вплотную, я заметил, что на открытой площадке устроили складскую зону. Все ящики и коробки таскали сюда. Насчитал шесть человек грузчиков. С удивлением опознал в их речи польские слова... Что это значит? Какого черта здесь делают поляки?

И даже если откинуть эти моменты, что ночью могут здесь разгружать? Что-то запрещенное? Очевидно же!

Площадка была хорошо освещена – сверху висел фонарь.

Дождавшись, пока очередная пара рабочих принесет большой ящик и направится обратно, я подскочил к ближайшему, ухватил коробок и вместе с ним, вернулся обратно. Рядом росли большие кусты сирени, поэтому спрятаться за ними было несложно. Я находился совсем рядом, при этом оставался невидимым. Да и кто бы стал выяснять? Территория даже не была огорожена.

Ножа у меня не было, пришлось брать острый камень и им разрезать материал.

Открыл. Насмешливо фыркнул.

Это были джинсы. Много, хотя все одной и той же расцветки. На дне, в отдельных целлофановых пакетах, лежали футболки и батники.

Все это очень походило на самую обычную контрабанду.

Ну, теперь-то все ясно – вот местные фарцовщики обрадуются. Партия явно прибыла сюда незаконно, причем, судя по всему, из Польши. Речное судоходство в этом регионе налажено хорошо – вполне допустимо, что мои предположения верны. Впрочем, я совсем не знаток языков...

Быстро вернул ящик на место, проверил другой, что был поменьше. Внутри оказались упакованные виниловые пластинки и аудиокассеты.

– Битлз? – изумленно пробормотал я. – Модерн Токинг?!

Черт возьми, а...

Напоследок решил заглянуть еще и в третью коробку – она оказалась доверху забита заграничной косметикой. Какие-то баночки, пузырьки, бутылки...

У здания стоял старый ПАЗ и пара «Копеек», – а вот и транспорт, чтобы свезти добро в место хранения.

Я, сам того не желая, стал свидетелем того, как заграничная «фарца» ввозилась в город. Только корабль, скорее всего, советский, а поляки тут просто как сопровождающие товар лица. И это не было чем-то из ряда вон выходящим. Это в шестидесятых и семидесятых спекулянты шифровались как натуральные шпионы... Достаточно вспомнить, как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» Шурик искал нужные транзисторы... А это был как раз семьдесят третий год. К концу восьмидесятых фарцовщики настолько осмелели, что вели бизнес уже чуть ли не в открытую.

Через пару минут, тем же путем, каким и пришел, я покинул порт разочарованным. Честно говоря, надеялся наткнуться на что-то интересное, а тут всего лишь мелочевка, не заслуживающая внимания.

Через двадцать минут я вернулся домой.

Плюхнувшись на диван, я неожиданно вспомнил про свое письмо, ради которого вчера мне пришлось так рисковать... Я хотел его уничтожить, но так и не сделал этого. Осмотрел все.

Его нигде не было! Я прекрасно помню, что когда Настя отдала его мне, я сложил его пополам и сунул во внутренний карман толстовки. Причем, после стычки с Андреем оно по-

прежнему было внутри. Однако сейчас, прощупав всю свою одежду, я его не нашел. Да что за ерунда?

Взять его мог только Петров, утеря однозначно исключена. Но зачем ему это? Я же и так все ему рассказал...

– Ой, не понял я тебя, Андрюха... – задумчиво пробормотал я, глядя в стену. – Совсем не понял!

Глава 3. Неясные моменты

В глубокой задумчивости я снова покинул дом, вышел на крыльцо.

Раз за разом прокручивал в голове произошедшее и, честно говоря, не мог прийти к окончательному решению. А что, если я ошибаюсь, и Андрюха тут вообще ни при чем?

Но тогда кто?

Снова уселся на тот же самый табурет, что стоял с краю от входа. Была глубокая ночь, но спать мне не хотелось совершенно. Я оценивал риски...

Скорее всего, у Петрова возникло ко мне некоторое недоверие. И это понятно – он ведь следак, причем прожженный. У него недоверие в крови. Одной только фразы, что я такой же, как и он, попаданец, может быть и достаточно. Этот момент мы перетерли. А вот тот факт, что мои намерения благие, и я действительно хочу предотвратить аварию, скорее всего, насторожили его. Но зачем брать письмо?

Его мотивы мне неизвестны, а вот какие могут быть последствия... Что в этом письме – известно только мне одному. Я написал его давно, но так никуда не отправил. Это, была своего рода страховка, в которой сейчас не было никакой необходимости. Даже наоборот, теперь эта самая страховка представляла опасность уже для меня. Попади письмо в руки КГБ, все с ног на голову перевернется – тогда меня будут искать не только военная комендатура и те, кто стоит за диверсией и ликвидацией спецгруппы «Барьер». Вполне предсказуемо, что подключатся и гэбэшники, и милиция, и бог весть кто еще. Тогда я точно превращусь в загнанного зверя, которому все дороги на АЭС будут намертво перекрыты. Но, черт возьми, что намерен делать с письмом Андрей?

Невольно обратил внимание, что из открытой двери на улицу лился бледно-жёлтый свет. Выходя из дома, я забыл выключить освещение в коридорчике, а дверь открылась под собственным весом.

Почти сразу, всего нескольких метрах от входа я разглядел свежие следы от автомобильных шин. Так как никакого забора здесь не было, на машине можно было подъехать почти к самому дому. Раньше следов не было.

Пока я ходил к портовой зоне, здесь кто-то был. Кто-то, кого я не ждал, да ещё и на машине.

Встал, подошел ближе. Точно – следы.

Получается, что за Петровым кто-то приехал? Но кто? А может, это было после?

От таких мыслей голову можно сломать – я ведь ни разу не детектив.

Первое, что пришло в голову – городское такси. Быстро отсеял эту версию, ведь в доме не было телефона, соответственно вызвать машину невозможно... Вспомнил, что когда шел из медсанчасти, увидел машину. Черная «Волга», предположительно Андрея, осталась на обочине у дороги. Но сам он был пьян – куда ему садиться за руль? Да и не заедет она сюда – грязи по колено, колеи сантиметров по пятнадцать глубиной.

Однако следы определенно свежие, по крайней мере, с виду.

Встал, осмотрелся. Тишина, темнота... Местных тут никого не было, а если все же и были, наверняка спали. Ночь все-таки.

Черт возьми...

Решил дождаться утра, а там все осмотреть более тщательно.

Вернулся в дом и, повалившись на диване, завалился спать. Что-то последние дни у меня совсем безумные – сплошная черная полоса. Вроде встретил родственную душу из своего времени, так и тут подвох – мутный он какой-то... Может, я слишком много рассказал по пьяни? При следующей встрече нужно расставить приоритеты, надоела эта недосказанность.

Проснулся я почти в девять.

Встал, быстро умылся и наскоро одевшись, покинул дом. Хотел осмотреть следы от протектора, но ночью прошел дождь, отчего разобрать что-либо стало проблематично. Я и так совсем не следопыт, а теперь вообще безнадега.

Конечно же, меня посетила мысль, что, скорее всего, мою шкуру искали посторонние люди... Вот только кто они, сколько их и где они находятся?!

Ощущался легкий голод, но я не стал тратить время на завтрак. Отправился вверх по дороге, намереваясь выйти в город. В лесу уже появился запах осени, несмотря на раннее время. Если бы у меня было лишнее время, с удовольствием погулял бы, расслабился. Вот только некогда...

Выбравшись на дорогу, я вновь увидел стоящую на обочине черную «Волгу», только уже в другом месте. Кажется, это была та же самая, что я видел вчера.

Решительно направился к ней, но метров за сорок до нее, водитель внезапно завел двигатель и резко тронулся с места. Ускорившись, «Волга» пронеслась мимо меня.

– Зараза... – процедил я, проводив взглядом скрывшийся за ближайшим поворотом автомобиль.

Кто был за рулем – я не разглядел. Номера-то я запомнил, но что толку? Эта информация мне никак не поможет.

Понять, что это наблюдатель, много ума не нужно. Но по чьему указанию за мной установлена слежка?! Как давно и по какой причине?

У меня возникло четкое ощущение – как бы мне ни пришлось в ближайшие двадцать четыре часа менять дислокацию. Правду говорят, неведение выбивает из колеи, а ожидание выматывает хуже самих событий.

Постоял пару минут, двинулся в ту же сторону, что и скрывшаяся «Волга». До городской черты было немного, минут десять пути.

Решил срезать через Припятское кладбище. Честно говоря, сам не знаю, зачем меня туда понесло – я вроде бы никуда особо не торопился, но опять же, сработала чуйка.

За все время я уже научился ей доверять и прислушиваться. Вот и сейчас, пройдя по краю кладбища, я пересек небольшую посадку и вышел неподалеку от перекрестка улиц «Энтузиастов» и «Огнева». Передо мной тянулась дорога, на противоположной стороне которой стояли здания, в том числе и жилые многоэтажки. Справа, метрах в семидесяти я увидел здание Санэпидемстанции, у которого стояла черная «Волга». Очень может быть, что та самая...

Подобного я совсем не ожидал.

Сразу же почувствовал себя хищником, выследившим добычу. Мне только что выпал шанс не только узнать, кто там за рулем автомобиля, но и выяснить, откуда вообще растут ноги.

Спокойно вышел на тротуар, добрался до пешеходного перехода. Но едва я пересек его, как водитель вышел из машины, и направился к расположенному в соседнем здании гастроному. На человеке обычный спортивный костюм, сам он полноват. Как-то не очень похож на шпиона, впрочем, и расстояние метров тридцать. Быть может, я вообще ошибся...

Единственный вариант подойти ближе и сверить государственный номер. Не прошло и минуты, как я в этом убедился. Передо мной стояла та самая черная «Волга».

Заглянул в салон – никого. Значит, водитель один.

Не знаю, что на меня нашло, я решительно подошел к багажнику – тот оказался не заперт. Недолго думая, я влез внутрь и рывком вернул крышку багажного отделения на место.

Сложно описать, какие мысли были у меня в голове. С одной стороны, неистовое желание действовать. Разобраться, кто и зачем меня пасет. К счастью, пистолет Виктора на этот раз был у меня с собой – не хотелось бы его применять по назначению, но если возникнет сложная ситуация, использую без раздумий. С другой стороны – черт возьми, во что я вмешиваюсь?!

Не прошло и трех минут, как дверь «Волги» открылась, машина ощутимо качнулась. Водитель сел внутрь, завел двигатель. Тронулись. Кем бы ни был водитель, у него определенно была какая-то цель и маршрут следования. Именно это я и собирался выяснить.

Однако трястись, лежа в позе эмбриона, в очень неудобном багажнике было тем еще удовольствием. Внутри оказалось пыльно, в область печени уткнулась рукоять молотка и ещё какой-то инструмент, а в довершение ко всему там нестерпимо воняло разлитым машинным маслом.

К тому же, водитель вел машину неаккуратно. То ли ему было все равно, то ли дорога была вся в дырах и выбоинах – то и дело я ловил головой очередную встряску.

Сколько длилось такое путешествие – я не помню. Но минут пятнадцать точно. Считать все повороты налево-направо я не мог, да и не хотел. Бред это все, в духе американских триллеров. К концу поездки я уже думал только о том, как бы поскорее выбраться на свежий воздух. Даже затосило в какой-то момент.

Наконец, машина свернула куда-то, сбавила ход и остановилась. Водитель заглушил двигатель. Открылась дверь, слышались приглушенные голоса. Попытался что-либо разобрать, но не получилось.

Время потихоньку шло, а я по-прежнему лежал внутри, дышал вонью разлитого когда-то масла и мечтал, чтобы поскорее выбраться наружу и вдохнуть свежего воздуха. Вдруг голоса стали ближе.

Я отчетливо различил следующую фразу:

– Федя, я в багажник закину, хорошо? Открой!

– Да открыто там. Какой смысл его закрывать, все равно никто не полезет?!

Щелкнуло, лязгнуло.

Внутри сразу же стало светлее, ворвался свежий воздух. А я отчетливо различил перед собой Андрея Петрова. Точнее, его верхнюю половину. Он стоял с каким-то коробком под мышкой.

Тот в изумлении уставился на мою шурящую от света физиономию.

Затем усмехнулся, повернул голову влево и спросил:

– Федор, а ты когда багажник проверял последний раз?

– Не помню, а что? – с той же стороны показалась еще одна голова. Принадлежала она тому самому мужику, который ранее в спортивном костюме бегал в гастроном. Стало быть, это и есть водитель.

Глаза у него расширились в изумлении.

– Э-э-э...

– Федя, я, вообще-то, просил непринужденно понаблюдать за Алексеем, а не везти его сюда! – спокойно, но с обвинительными нотками в голосе, произнес Андрей.

– Да я э-э... Как-то... Ты как сюда попал, э?

– Машину бросай чаще без присмотра, еще и мыши тут заведутся! – пробурчал я.

– Чего-о? – обиженно произнес Федя.

– Ничего страшного. Теперь не придется ехать к нему, кучу времени сэкономим, – весело ухмыльнулся Петров, протягивая мне руку. – Ну, вылезай, раз приехал!

Описывать момент, насколько у меня затекли мышцы, и особенно спина, я не буду. Скажу только, что когда я все-таки выбрался из злополучного багажника, разогнулся с большим трудом.

– Не скажу, что сильно рад тебя видеть... – произнес Андрей, глядя на меня выразительным взглядом. – Но не могу не признать, эта встреча очень кстати.

– Слушай, Андрюха! – Федя смотрел на меня с нескрываемым подозрением. – Это ж тот, кого ты преследовал тогда?

– Верно. Он самый, – кивнул Петров. – Леха, знакомься, это капитан Погодин. Активный участник нашей межведомственной группы. Я тебе рассказывал.

Я внимательно посмотрел на Федора – пухловатый, простой. Со спортом у него явно дела обстоят на уровне «удовлетворительно». Если бы тогда я столкнулся не с Петровым, а с Погодиным – сбежал бы в легкую. Несмотря на звание, он почему-то не производил должного впечатления. Даже на обычного участкового не был похож.

Я протянул ему ладонь.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Угу, и тебе привет, – несколько скептически произнес он, отвечая на рукопожатие. – Что, из местной милиции?

Я скользнул растерянным взглядом по Петрову. Тот едва заметно кивнул.

– Так точно. Из РОВД. Лейтенант Савельев.

– Давайте без этой служебной ерунды! – Андрей тут же стер ту грань, которая мешает нормальному обсуждению между людьми в погонах разных званий. Так проще. – Предлагаю перейти сразу на «ты».

Я и Погодин кивнули одновременно.

– Ну и зачем ты ко мне в багажник залез?

– А ты зачем за мной следил? – ответил я вопросом на вопрос. – Я, между прочим, тоже на службе. Думаешь, просто сидеть в той дыре? Изображать из себя отшельника – то ещё удовольствие.

– Откуда ж я знал?

– Я еще вчера попросил Федора приглядеть, чтобы никто посторонний не совался по той дороге. Вот он остаток дня и всю ночь и просидел.

– Ну и что, заезжал кто? – с надеждой спросил я.

– Был, – кивнул Погодин. – УАЗ заезжал. Черного цвета, где-то в одиннадцать вечера.

– Черного цвета? – удивленно переспросил я. – Может, как у военных, темно-зеленого?

– Нет, не думаю. В темноте видно было плохо, но цвет точно был черный.

Я на мгновение задумался – либо Федя что-то путает, и УАЗ все-таки был типичного военного цвета, либо он прав. Вот только в восьмидесятые годы Ульяновский автомобильный завод не красил «четыреста шестьдесят девятые» в черный цвет. В принципе.

Очень любопытно.

– А как быстро машина уехала? – уточнил я.

– Да минут через десять, а то и меньше.

– Сколько там было человек?

– Не знаю, не считал. За зарослями не видно. Я только фиксировал, время ровно одиннадцать.

Я задумчиво кивнул.

Получается какая-то бессмыслица.

– Мы можем пройтись, поговорить наедине? – я без увиливаний спросил у Петрова напрямую. Федя сделал вид, что не расслышал.

– Конечно, – кивнул Андрей. – Федор, ты поезжай к Никите Егоровичу, а я своим ходом доберусь. Хорошо?

– Дело твое! – капитан Погодин явно обиделся, хотя пытался не подавать виду. Актер из него неважный.

Он наконец-то закрыл багажник.

– Кстати, у тебя там масло где-то разлито, – вдруг вспомнил я. – Воняет просто ужасно. Но тот только рукой махнул, мол, нормально все.

Я быстро осмотрелся и понял, что мы находимся недалеко от комбината бытового обслуживания, которое носило имя «Юбилейный».

Дождавшись, пока Погодин уедет, я спросил напрямую:

– Андрюха, что-то я не понял. Ты мне не доверяешь?

Ответил Петров не сразу.

– А сам-то как думаешь? – вместо ответа поинтересовался он. По глазам видно, мой вопрос его не только не обескуражил, наоборот, заинтересовал.

– Вижу, что не доверяешь.

– Есть такое дело, – с готовностью ответил тот. – Уж извини, работа следаком накладывает свои отпечатки. Тот факт, что ты из двадцатого года я под сомнение не ставлю. Тут все понятно. А вот твои истории про участкового и про то, что случайно оказался на месте убийства гражданки Цветаевой, немного напрягают. Что ты вообще делал в Новошепеличах?

– Искал убежище, – честно ответил я. – Там у меня знакомый прапорщик жил, которому мы на срочке баню строили. За ним должок, в общем. Прапорщика я не нашел, спился тот. Вместо него наткнулся на участкового Рогова, тот документы попросил. Ну а какие документы у дезертира? Все, что было, осталось в расположении части или в машине военной комендатуры, которая везла меня в управление. Точно не скажу. В общем, пришлось импровизировать. Ты бы так же поступил, окажись на моем месте.

Петров кивнул.

– Андрей, а ты зачем мое письмо взял? – задал я следующий вопрос.

– Какое письмо? – не понял тот. По глазам было видно, что не врет. Хотя, черт его знает, может, талант у него врать и при этом не краснеть.

– Обычное письмо, было в моей штормовке, когда мы бухали. Собственно, из-за него я вообще в город тогда и полез. Иначе мы с тобой вообще не встретились бы у того гастронома.

– Понятия не имею, о каком письме ты говоришь, – Андрей то ли реально не понимал, о чем речь, то ли просто пытался вывести меня на эмоции.

Про себя повторно отметил, что мутный он какой-то.

Возможно, может показаться, что мы два таких крутых попаданца, узнав друг о друге, тут же должны стать лучшими друзьями... Вот только в жизни все оказалось не так. Не по канону.

– Ты хочешь сказать, что ничего не брал? – еще раз уточнил я.

– Еще раз десять спроси, получишь комплимент, – чуть нахмурившись, ответил Петров. – Не брал я ничего. Я по чужим вещам роюсь только с разрешения вышестоящего начальника. Вру, конечно – не только по его команде, часто импровизирую. Но смысл мне лазить по чужим карманам?

– Мля, тогда кто? – судорожно выдохнул я.

– В письме что-то серьезное? – уточнил Андрей.

– Можно сказать, что в некотором роде компромат. На тему будущей аварии. Если попадет не в те руки, последствия будут неприятными. Придется долго и тщательно разьяснять, откуда мне известно про дефекты чернобыльского реактора и вообще об аварии в целом.

– Ясно. И зачем ты так подставился?

– Письмо написал заранее, как страховку, – пояснил я. – Оставил дома, с трудом смог его забрать. Согласен, не самое удачное решение, но что случилось, то случилось.

– Ты что-то говорил про то, что тебя ищут... Кто ищет?

– Я не знаю. Но они точно имеют какое-то отношение к станции и самой аварии. Подозреваю, что следы ведут в комитет государственной безопасности.

– Ух ты как... – присвистнул Андрей. – Лихо ты задвинул. А на основе чего сделаны такие смелые выводы?

– Ты, наверное, не в курсе, что недавно я проходил службу в специальном учебном центре. Нас готовили на замену суточного наряда, который круглосуточно находился на самой ЧАЭС. Как ты понимаешь, готовили нас серьезно. Так вот, идея принадлежала Алексею Владимировичу Черненко. Полковнику КГБ.

Едва я это сказал, как Петров остановился, посмотрел на меня с изумлением.

– Как ты сказал? Повтори-ка.

– Идея по созданию специальной группы «Барьер» принадлежала товарищу Черненко. Алексею Владимировичу. Именно он дал старт всему этому делу, и я ему крайне благодарен. Но сейчас у него проблемы – подставили его, причем серьезно. А что ты так напрягся?

– Да так. Знакомая фамилия. Даже очень.

– Насколько я знаю, сейчас под следствием он. Уже снят с должности.

– А вот это я не понял, почему? – снова нахмурился Андрей. – Нет, конечно, человек он хитрый, даже коварный... Но работать с ним я бы точно не стал.

Настала моя очередь удивляться.

– То есть, ты его тоже знаешь?

– Конечно. С 1978 года в затылок мне дышит. Но пока общий язык находим. Точнее находили, последний раз с ним в марте этого года пересекались.

– Ну, у меня для тебя новость. Прикрыли его, какое-то внутреннее расследование. Как по мне, так просто подставили. А попутно поснимали всех офицеров из учебного центра, убрали преподавательский состав. Территорию отдали другому подразделению, нас прикомандировали. После этого нас и начали жестко душить, вынуждая нарушать правила. В общем, я успел отличиться и, видимо, попал в поле их зрения.

– Дай-ка догадаюсь, поэтому ты и сбежал из машины военной комендатуры? – догадался Андрей. – Ну, ожидаемо. Хотя быть дезертиром – такое себе?

На последний вопрос я отвечать не стал.

– Вот они меня и ищут. От них я прячусь, от них пытаюсь скрыться. Я же тебя считал одним из их числа...

Петров неожиданно рассмеялся.

– То есть ты серьезно считаешь, что на станции будет самая настоящая диверсия, а не случайная авария?

– Да! И у меня есть доказательства! – не сдержав эмоций, ответил я.

Андрюха закусил губу, глубоко задумался...

Глава 4. Хорошие плохие новости

После небольшой паузы, Андрей произнес то, что подняло мне настроение.

– У меня для тебя хорошая новость – по твоему вопросу я почти все уладил. Сразу, конечно, все не образуется, сам понимаешь. Но как минимум ориентировки с твоей физиономией с городских стендов снимут, а заступающих патрульных на инструктаже проинструктируют. Думаю, ко вторнику уже сможешь свободно ходить по городу.

Ко вторнику? Примерно четыре дня...

– Спасибо, очень кстати. А то из-за такого недоразумения я едва в изгоя не превратился.

– Ну, вообще-то, это серьезные моменты... – начал Петров, затем осекся. – Впрочем, ладно. Было и было. Сейчас я с тобой о другом хотел поговорить...

Повисла пауза, расценивать которую можно было как угодно.

– Леха, я тут подумал... – медленно, подбирая нужные слова, начал он. – Мой отец откуда-то накопил сведения по всем случившимся в СССР радиационным авариям. Как ему это удалось – ума не приложу. Он мне уже не раз показывал материалы, но разбираться в них я не стал. Да, я точно знаю, что авария случится 26 апреля... И я вижу твою реакцию и решительность по этому делу. Поначалу меня это отпугнуло и, честно говоря, сейчас лезть во все это тоже не хочется.

– Почему?

– Почему? – тихо переспросил он. – Ну, по большому счету, меня Чернобыль никак не коснулся. Да, это серьезная техногенная катастрофа, и я понимаю, сколько горя и бед она принесла тем, кто непосредственно был там. Но...

– Я понимаю, можешь не продолжать, – сухо ответил я. В голове тут же сложилась определенная картинка.

– Нет, не понимаешь, – жестко ответил Петров. Я взглянул на него с изумлением. – Вижу, что не понимаешь. Думаешь, я эгоист, которого волнует только собственная жизнь и карьера? Ну, отчасти это так. Возможно. Но ты сам подумай, вмешиваться в ход истории чревато. Это не какого-то отдельного человека спасти, это шанс изменить историю всего Союза. Если мы рискуем и решимся на подобное, пусть справимся, кем мы потом станем? А если не справимся? Мирными методами такое вряд ли можно повернуть, а бегать по станции с автоматом и искать диверсанта я не хочу. Тем более, наводить стволы на инженеров... Ну, этих, которые реактором управляют. Ты пойми, я врагом народа быть совсем не хочу, потому что потом ты уже никому не сможешь доказать, что хотел как лучше. Тебе просто не дадут рта раскрыть. Должен понимать, как в эти годы работали комитетские. Грубо говоря, это взять и перечеркнуть свою жизнь, причем с очень высокой вероятностью. А я к такому не готов. Считаю, что смысл перерождения как раз в том, чтобы исправить жизненные ошибки своей прошлой, неудачной жизни.

– Моя жизнь была удачной! – яро возразил я. – У меня была карьера, хорошая работа. Своя группа, причем состоящая из лучших специалистов. Была семья, дети. Даже внуки. Да, моя жизнь отличалась от твоей, но сейчас, вопреки всему, у меня другое мнение по поводу Чернобыльской аварии. Раз есть возможность, нужно ее использовать. И мы реально это можем.

Петров покачал головой.

– Вовсе не обязательно, как ты говоришь, бегать с автоматом по станции и тыкать им в морду инженеров. Мы спасем Припять, спасем весь регион! Да пойми ты, какое это может оказать влияние на историю Союза?

– Да что мне эта Припять? Я не отсюда, я из Новоульяновска. Большую часть времени я нахожусь в командировках по всему Союзу, даже в Москве оседаю ненадолго. А после развала СССР эта территория вообще станет Украиной. Кстати! Из какого ты года, из двадцатого?

– Ну да.

– Вот тебе новость. Где-то года через два, в феврале две тысячи двадцать второго начнутся масштабные боевые действия между Россией и Украиной.

Подобное вызвало у меня крайнее удивление. Но сейчас разговор был совсем не о том.

Собравшись с мыслями, я продолжил:

– А представь, что подобная техногенная авария могла случиться в твоём городе. Если бы ты знал обо всем, если бы судьба твоих близких зависела от этого, если бы у тебя была возможность все изменить, ты сидел бы сложа руки? Или сделал бы все возможное, что от тебя зависело?

Мои слова заставили его задуматься. Я молча шел рядом, давая ему перетереть информацию.

– Ну, может, ты и прав... – наконец ответил Андрей. – Но я все равно не хочу в этом участвовать.

– За карьеру боишься? – вопрос был провокационный, но мне важно было получить ответ. Прямо сейчас.

– Нет! Не в этом дело! – отрезал тот.

Дальше я давить не стал. Конечно, ответ Андрея меня не устроил. Да что там, я подобного не ожидал.

Все это время я приводил аргументы, убеждал, рассказывал, а оказалось – все впустую. Черт возьми, а с чего я вообще взял, что он последует моему примеру? Все люди разные, решения тоже.

Видно было, что Петров сомневался.

– Ладно, понял тебя, – вздохнул я. – Ну, тогда я сам.

– Вижу, ты настроен решительно?

– Да, – спокойно ответил я. – А что это за история, будто я из местного РОВД?

– Мне пришлось придумать целую легенду. Сам посуди, когда я в крови явился к своей группе, у них появилось много вопросов, на которые нужно было как-то отвечать. Вот и получается, что я наткнулся на тебя – сотрудника из местного отделения. Якобы у вас тут своя работа по другому делу ведется. Все свел к тому, что между нами возникло недоразумение. А твоя морда на ориентировках – ложный прием, используемый в проведении расследования. Короче, ты сотрудник. Но знают про тебя не все, только Федор и еще двое.

– Ну, закрутил, – скептически произнес я. – А зачем прислал этого Погодина на «Волге» шпионить за мной? Из него наблюдатель, как из меня балерина. Его автомобиль за километр видно, вообще не палился!

– На то и расчет, – хмыкнул Андрей. – Он не скрывался. Я заранее проинструктировал Федора, чтобы тот ни в какие контакты не входил. Ну и сам понимаешь, я открываю багажник, а там ты зажигаешь. Кстати, ты ловко подстроился.

– Жизнь научила импровизировать.

Некоторое время мы шли молча.

– Что по убийствам? – поинтересовался я. – Удалось что-нибудь раскопать?

– Ничего толкового. Уже две недели здесь, а общей картины все нет.

– Не знаю, будет ли полезна такая информация... Перед тем, как я увидел гражданку Цветаеву с перерезанным горлом, на начале тропы я едва не столкнулся с возможным убийцей. Высокий, широкий в плечах. Телосложение спортивное. Был одет в джинсы, черную штормовку с капюшоном. Вот лица я не увидел – там темно было.

Петров качнул головой.

– Под это описание попадет кто угодно. Даже мы с тобой.

– Ну, если что, я готов посодействовать. Сыграть роль живца там. Все-таки, ты мне очень помог.

Петров вновь остановился. Посмотрел на меня каким-то странным взглядом.

– А знаешь, возможно, твоя помощь действительно может пригодиться. Но об этом позже.

Через несколько минут мы подошли к автобусной остановке.

– Мне пора, – заявил Андрей. – В два часа будет совещание у начальника нашей межведомственной группы, я должен там присутствовать. Не теряйся...

Последнюю фразу он произнес как-то многозначительно, но толком понять ее не сумел. Подошел автобус, и Петров тут же запрыгнул внутрь. Проводив его взглядом, я двинулся дальше.

Стало немного легче. Нужно подождать пару-тройку дней, все утихнет. Конечно, бродить по городу без документов все равно неудобно, но куда деваться? Новые документы я себе все равно никак не сделаю – время не то. Это в двадцать первом веке за деньги можно было слепить любую корочку, договориться с паспортистами. На худой конец, слепить фальшивку.

Единственный мой плюс – я хорошо знаю город, неплохо знаю окрестности.

Меня напрягало другое... Что сказали самому комроты старшему лейтенанту Паршину о моей судьбе? Уж командир роты-то должен обладать какой-то информацией по поводу своего личного состава, оторванного от основного подразделения. Тогда почему прошло уже почти четверо суток, а реакции все нет?

Так не бывает. С него по-любому спрос – как он докладывает вышестоящему командованию? А может быть, официально я нахожусь в изоляторе военной комендатуры? Учитывая общее отношение Паршина к прикомандированным, неудивительно, что ему просто все равно.

Голод проявился внезапно. Желудок громко заурчал, сковал спазм. Обычно в таких случаях говорят: желудок к позвоночнику прилипает. Хорошо бы где-нибудь перекусить, вот только это опасно. Минут десять думал только об этом, в конце концов, все-таки рискнул.

Выбравшись на улицу «Курчатова», я сразу же увидел одноэтажное здание, над входом в которое висела невзрачная вывеска: «Столовая № 4».

Было обеденное время – из здания выходили люди, по двое, по трое. Наверняка это рабочие ближайших госпредприятий. В воздухе вкусно пахло жареными котлетами, да так, что у меня желудок аж в трубку свернулся. Все эти дни я жил на «сухарях», ну и на водке. Естественно, такое питание никому на пользу не пойдет. Вообще, по-хорошему, жидкое горячее нужно есть раз в день. Не реже раза в два дня. И чай тут не в счет.

Несколько минут постоял у входа, проверил оставшиеся деньги. Спасибо Лисицыну, в схроне их оказалось более чем достаточно. Зачем плюнул, толкнул входную дверь и вошел внутрь.

В нос ударил целый спектр царивших там обеденных ароматов. И котлеты, и пельмени и много чего еще, обалденно вкусного.

Почти сразу в глаза бросился плакат в типично советском стиле:

«У нас порядок такой – поел, убери за собой»

И почти сразу второй, ставший чуть ли не легендарным:

«Пальцы и яйца в солонку не макать»

Помещение большое, но не фабрика-кухня. Был такой период в Советах, когда строили подобные заведения, с расчетом на тысячу-полторы человек. Не оправдалось, отошли от этого.

Вдоль раздаточной имелась очередь, человек десять. Все с подносами.

Зуб даю, они наверняка слегка липкие от жира. Как правило, отмывать их до конца было просто невозможно. И это несмотря на то, что Припять – город очень молодой.

Ко всему этому можно добавить гнутые алюминиевые ложки и вилки, пустые солонки. Возможно, еще и салфетки.

Взял один поднос, встал в конец очереди. Передо мной стояли два мужика, по виду – явно какие-то механизаторы. Один травил анекдоты, другой как-то слишком громко смеялся над ними. Окружающие реагировали нормально – видать, явление обычное.

Очередь потихоньку ползла вперед.

Выбор блюд был небольшим, скорее всего потому, что обеденный перерыв подходил к концу.

Первым делом я потянулся к борщу, который уже разлили по тарелкам. Затем взял тарелку картофельного пюре с огромной, лохматой от обильной панировки, котлетой по-киевски. Желудок предательски завыл, да так громко, что один из механизаторов даже обернулся на звук.

– Ну ты, парень, даешь! – восхитился он. – Голод не тетка, да?

Я смущенно кивнул.

Все салаты из смеси моркови и квашеной капусты уже разобрали, а не слишком растопная разносчица еще не успела настроговать новых. Да и черт с ним, с салатом. Пока оба впереди идущих мужика условились ждать, я перескочил через них и остановился у столика с компотом. Его как раз разливала по стаканам, вооруженная массивным алюминиевым половником, полная гром-баба в кружевном передничке. Он явно был ей маловат, но той было абсолютно все равно. Женщина чем-то напоминала ленивую корову. Кто-то из очереди, мужским голосом ласково назвал ее Варенькой. Мне же так и хотелось сделать язвительное замечание – так вот куда делись все салаты.

Взял себе сразу два ягодных компота. Двинулся к кассе. Оказалось, что хлеб бесплатный – один белый, один ржаной. Быстро расплатившись на кассе, я ухватил поднос и потащил его в дальний угол столовой, где людей было меньше всего. Не хотелось мне сидеть на виду у всех.

Сел. Забыл, что не взял приборы.

Снова двинулся к кассе. Вытащил из большой стальной кастрюли то, что мне было нужно. По пути обратил внимание, что через три ряда от меня, за столиком сидят двое военных. Один в звании майора, другой старлей. Ни того, ни другого я не знал, но при этом сделал вывод, что военные здесь тоже обедают.

Само по себе это не плохо, просто есть риск встретить здесь тех, кого встречать совсем не стоит. С этими мыслями я и вернулся на свое место, взял ложку. Тарелку жирного и наваристого борща я оприходовал очень быстро – минут за три. Только принялся за второе, как услышал негромкий, вкрадчивый голос:

– Алексей, добрый день.

Резко повернул голову и увидел справа от себя того самого человека, что встретил на речном вокзале, когда мы с компанией собирались прокатиться на «Метеоре». Определенно, это был он.

Кивнул ему, жестом указал на свободный стул. Прожевал.

– Вы? – на нейтральной ноте поинтересовался я. – Чем обязан?

Человек сел, достал папку, положил ее на стол.

– Алексей, известный вам человек хочет встретиться, чтобы все обсудить в мирной обстановке. Произошло недоразумение.

– А, вот как это называется? – фыркнул я. Само собой, речь шла об отце Генки. Об Иванце Павле Сергеевиче. Ведь это он дал команду участковому Рогову меня задержать. – А если я не хочу?

– Придется... – человек сказал это таким голосом, что у меня аж мурашки по коже пробежали. – Насколько я понимаю, у вас в жизни сейчас очень непростой период. В общем, все в ваших интересах.

Больше он ничего не сказал. Так же молча поднялся, забрал папку. Однако на столе осталась крохотная записка и ключ. И то и другое я машинально убрал в карман.

Не прошло и двадцати секунд, как человек просто испарился. Как будто его и не было в столовой, а все произошедшее просто галлюцинация.

С эмоциями я справился быстро. Поторопившись доест пюре и котлету, я все запил компотом. Сложил тару на липкий поднос и потащил его к окну приема грязной посуды. Все-таки плакат с лозунгом висел здесь не просто так – все выходящие действительно убирали за собой.

Сам вышел на улицу. Осмотрелся.

Вроде бы одной проблемой стало меньше – уж за свой желудок теперь я точно был спокоен. Однако появление незнакомца натолкнуло меня на определенные мысли – он нашел меня с легкостью. Значит, за мной постоянно велась слежка, хотя хвостов я за собой не замечал. Ну, понятно. У чекистов есть специально подготовленные люди именно для таких дел.

Отошел от столовой, неторопливо отправился в сторону улицы «Огнева».

Вытащил из кармана бумажку, что оставил мне «гонец».

Развернул, прочитал.

На ней значилось: «Сегодня, в городском парке. 18.00. Лунопарк».

Осмотрел ключ. На хрена он мне?

Черт возьми, что задумал Павел Сергеевич?! То, что он мне не друг – было под сомнением. Мутный человек, действия которого тоже выглядят странно. Ну, серьезно, зачем пытаться запереть меня в камере силами случайного участкового? Он, пусть и не напрямую, как-то связан со смещением с должности товарища Черненко А.В. Черт возьми, я должен узнать как и почему.

А там как карта ляжет.

До встречи оставалось больше пяти часов – шататься столько времени по городу я, конечно же, не стану. Встретиться с ним, безусловно, нужно. Хотя бы для того, чтобы понять общую обстановку. Но на моих условиях, иначе я изначально остаюсь в проигрышной позиции. Оружие возьму с собой, на всякий пожарный. Риск, конечно, есть, но иначе никак.

Отправился «домой».

Уже подходя к границе городской черты, я вдруг услышал вой сирены. Обернувшись, увидел приближающийся пожарный сто тридцатый ЗИЛ, с включенным проблесковым маячком синего цвета. Где-то пожар?

Машина на скорости пронеслась мимо меня, на ближайшем перекрестке свернула направо и быстро скрылась за лесополосой. Буквально через минуту я вновь услышал приближающийся звук сирены.

Вторая машина. Проследовала тем же маршрутом, что и первая.

Это показалось мне странным.

Я ускорился – захотелось посмотреть, куда это они торопятся. Эта же дорога вела к портовым кранам. А еще к тем домам, где я ночевал.

Сработала чуйка, сразу заподозрил неладное.

Подгоняемый смесью любопытства и тревоги, сам не заметил, как перешел на бег.

До нужного поворота я добрался быстро. Чувствовался запах гари. В конце дороги, метрах в ста впереди, я увидел объятый пламенем дом, поднимающийся в небо густой белый дым и стоящие рядом пожарные машины... Вокруг них бегали люди.

Горел дом друга подполковника Кошкина...

Вот дерьмо!

Глава 5. Первые ответы

Минут через пятнадцать пожар практически был потушен.

Чтобы не светиться посреди дороги, я отошел в лес и наблюдал оттуда.

Очевидно, что сам по себе дом загореться не мог – его подожгли. Получается, что помимо Андрея Петрова, отца Юльки и капитана Погодина, о моем временном убежище знал кто-то еще? Если бы я не пошел в столовую, то, скорее всего, был бы уже дома и, возможно, сгорел бы к чертям. Поджег можно совершить по-разному: в моем случае очевидный сценарий – заблокировать окна и двери, отрезать выходы.

Вот дерьмо, да что же такое?!

Я склонялся к мысли, что люди, стоящие за аварией, увидели во мне серьезную угрозу или по-прежнему просто подчищают хвосты?

Вполне возможно, что сейчас поджигатель тоже где-то здесь и наблюдает за тушением. Я тщательно осмотрелся по сторонам, но ничего не заметил. Решил пройти по периметру, но не приближаться к самому пожарищу.

Управился минут за десять – никого. Либо наблюдателя вообще не было, либо он уже покинул место происшествия. Конечно, был еще и третий вариант – что, если он спрятался и сейчас наблюдает за моими попытками обнаружить поджигателя?!

Наиболее подходящее место – близлежащие дома. За все время я так никого там и не увидел, хотя в первый день свет горел сразу в двух домах, ближе к дороге.

Часть освободившихся пожарных уже начали сворачивать оборудование – машина даже отъехала в сторону на пару десятков метров. Другая часть бродила по дымящимся обгорелым остаткам. Дом сгорел полностью, но, к счастью, не рухнул. Внутри него, естественно, никого не нашли.

Я двинулся к ближайшему дому. Обошел, осмотрел. Никого, даже дверь досками заколочена. Двинулся ко второму, чуть дальше – та же картина.

На всякий случай положил заряженный ПМ в карман штормовки, с предохранителя снимать его не стал. Так-то это секундное дело...

Так получилось, что улица шла в виде кривого зигзага. Получалось, что из первых четырех домов было хорошо видно мой. Дальние дома находились за островками зарослей, поэтому оттуда наблюдать было сложно.

Самого названия улицы я не рассмотрел, да меня это и не интересовало. Внутренне напрягся, сконцентрировался. Если наблюдатель здесь, я могу наткнуться на него в любой момент.

Вот только как не спутать его с местным жителем?

Третий дом тоже оказался пустым – входная дверь открыта, одно окно выбито. Очевидно, что здесь давно никто не жил.

Повсюду валялись старые, потемневшие от времени доски, обломки кирпичей, скarb. Все поросло густой травой, а древний, покосившийся сарай с дырявой крышей не падал только потому, что его вороны засрали. Гнезд на деревьях хватало – я насчитал штук двадцать.

Заглянув внутрь дома, но там все выглядело печально. Заходить не стал, двинулся к следующему дому. Прошел шагов двадцать – влажная земля и осыпавшиеся прошлогодние листья хорошо глушили шум. Вдруг, где-то позади громко треснула ветка.

Резко обернувшись, я увидел в окне разгромленного дома чью-то голову, которая тут же спряталась за стену. Решительно направился туда, перешел на бег. По доносившимся из дома звукам, я понял, что прячущийся там человек тоже побежал. Скорее всего, это и есть тот, кого я искал.

Наверняка бросился к окну, чтобы покинуть дом по-быстрому.

Действуя на опережение, я торопливо направился в обход дома. Услышал треск дерева, звон разбитого стекла. Из-за угла показался человек, одетый в непонятный черный спортивный костюм. Даже не костюм, а скорее, какой-то комбинезон.

– Стоять! – рявкнул я. Однако мой крик не произвел на него никакого впечатления.

Мельком взглянув на меня, тот понесся вперед, словно ветер. Ловко оббегая стволы деревьев, перепрыгивая через пни и рытвины, он устремился к воде.

Стараясь не отставать, я устремился за ним. Сразу понял, что постепенно отстаю. К тому же у меня внезапно развязались шнурки.

– Да стой же ты! – с досадой воскликнул я.

Естественно, беглец останавливаться даже не собирался. Бежал и бежал.

Я быстро прикинул в голове, что впереди Яновский затон. Прыгать в воду он точно не станет, значит, побежит в обход. Слева находился речной порт, справа располагалась портовая зона, где поляки разгружали контрабанду. Дальше – «Семиходы».

Я рискнул, взял правее. С подготовкой у человека было все в порядке.

Погоня по лесу продолжалась недолго, минут пять. Впереди показались портовые краны. Увидел бегущего – тот направлялся четко к ним. Сначала он, а потом и я выскочили на открытое пространство.

Выхватив пистолет, я быстро снял его с предохранителя. Прицелился по ногам. Выжал спусковой крючок.

Громыхнул сухой выстрел.

Не знаю, попал или нет, но беглец вдруг споткнулся, почему-то резко изменил курс и совершил огромный прыжок в воду, мгновенно скрывшись из вида.

Опустив пистолет, я рванул к бетонке.

Сверху до уровня воды было метров пять. В общем-то, высота небольшая. И беглец, упав в воду, не должен был себе ничего повредить. Вот только реальность оказалась иной.

Подойдя к краю, я увидел внизу плавающий кран. Задняя часть, состоящая из понтонов, была завалена тросами, цепями, каким-то инструментом. Среди них неподвижно лежал тот, кого я пытался догнать.

Одного взгляда хватило, чтобы понять – он разбился. Даже кровь было видно.

В это время дня здесь практически никого не было. Так как порт «молодой», он использовался только в определенные промежутки времени, для разгрузки подходящих барж. Сейчас никаких барж здесь не было, поэтому и рабочих было не видно.

– Да твою мать! – выругался я, осознав, что с поджигателем все.

Решил попробовать спуститься вниз и по наведенным понтонам забраться на кран. Получилось без проблем. Добравшись до распростертого тела, я первым делом прощупал пульс. Не было его, что неудивительно.

Я только невооруженным взглядом насчитал три перелома.

Окровавленная голова была скрыта капюшоном. Это оказался довольно молодой человек, возрастом около тридцати. На ногах очень удобные черные кроссовки, а то, что я принял за спортивный костюм, оказалось чем-то вроде демисезонной формы черного цвета. В Союзе такого точно не производили, это что-то забугорное.

– Черт возьми, кто же ты такой? – пробурчал я, обшаривая его карманы и стараясь не вымазаться в крови.

Нашел в них бензиновую зажигалку, складной нож, аккуратно сложенную карту Припяти. Несколько монет. Вот, в общем-то, и все. Ни документов, никаких записок. Огнестрельного оружия у него тоже не было.

Жаль, конечно, что этот человек, кем бы он ни был на самом деле – наблюдателем или поджигателем – уже ничего не сможет рассказать.

Убегал он не просто так, явно была причина.

Я быстро покинул портовую зону – не дай бог, кто увидит. Хорошо хоть на звук выстрела никто не отреагировал. Возможно, здесь поблизости могли быть охотники, а потому и выстрел могли засчитать на их счет.

Вернувшись обратно, я заметил, что обе пожарные машины уже уехали – на земле остались только глубокие колеи от колес. Для сто тридцатых ЗИЛов грязь – не самая серьезная помеха. От самого строения мало что осталось – лишь черный, обгорелый каркас, да гора обугленных головешек. Многие из них еще тихонько дымились, уже не представляя никакой опасности. В основном, все вокруг было залито водой, хотя тут и там имелись нетронутые участки. Повсюду следы, обломки, мусор.

К счастью, ничего ценного в доме для меня не было.

Конечно, подполковник Кошкин будет в ярости – поселил в дом своего друга будущего зятя, а тот устроил пожар и сжег все к чертям. Честно говоря, я даже представить не могу его реакцию на случившееся.

Но сейчас нужно думать совсем не об этом – есть другие дела.

Я очень хотел знать, зачем сожгли дом? Знали же, что меня там нет... Или не знали? Быть может, это такой акт устрашения? Скорее всего, только опять же – какой смысл?

Проходя мимо заброшенного дома, в котором прятался поджигатель, я решил заглянуть и осмотреться. Вдруг он что-нибудь там оставил?

Строение состояло из трех комнат и коридора. В самой крупной комнате ничего интересного я не нашел, в коридоре тоже. А вот в соседней, судя по всему, спальне, я обнаружил старый сломанный диван, на котором лежал брезентовый рюкзак.

Под окном я обнаружил практически пустую канистру с бензином и монтировку. Рядом, на подоконнике лежала почти пустая пачка сигарет «CAMEL» с изображением верблюда. На полу, среди мусора, около десятка бычков.

Удивительно, поджигатель оказался курящим, а бегал как ужаленный в одно место.

Открыл рюкзак – в нем суточный рацион питания НАТОвского образца, большая фляга с водой, аптечка. Аптечка, кстати, была наша – оранжевая АИ-2, принятая на вооружение еще в семьдесят восьмом году. Также внутри я нашел свернутый дождевик, набор посуды, комплект нательного белья и две пары носков.

В углу я обнаружил небольшое кострище, несколько пустых консервных банок. Скорее всего, тут готовилась еда. Наверняка наблюдатель был не один – они менялись посменно...

Отсюда напрашивался вывод, что наблюдение за мной было круглосуточным!

На рации, ни каких-либо документов. Ничего такого, что позволило бы опознать личность, которая разбилась о понтон. Действительно ли это был иностранец?

Пока что на это указывало только наличие сухпайка и той одежды, что была на погибшем. Брать с собой ничего не стал – никакой надобности в этом не было.

Решил вернуться в город.

На часах было почти четыре, оставалось два часа до назначенной с Павлом Сергеевичем встречи. Само собой, лучше явиться туда раньше и осмотреть место встречи. Не исключено, что там меня уже ждут... И все же я очень хотел узнать, что за «Лунопарк» и для чего мне передали ключ?

До городского парка я добрался минут за сорок. По пути купил бутылку минеральной воды – после той пробежки до портовой зоны меня мучила жажда.

Обошел почти весь парк, но ничего подозрительного не заметил. Там гуляли женщины с детьми, школьники. На лавочках сидели старики, читали газеты, некоторые играли в шахматы.

Все спокойно, лиц мужского пола в возрасте от пятнадцати до пятидесяти не наблюдалось в принципе. И все же, я не верил, что назначенная мне отцом Генки встреча планировалась как ловушка...

Что за «Лунопарк», я догадался не сразу.

Лишь углубившись в сам парк, я заметил небольшое одноэтажное здание, которое находилось на ремонте. Никаких вывесок с названиями на нем не было, зато на стене был нарисован популярный в то время планетоход «Луноход-1». Сразу стала понятна аналогия.

Вытащив из кармана ключ, я задумчиво повертел его в руках.

Увидел дверь в торце здания – со всех сторон стояли строительные материалы, банки с краской, сбитые леса. Рабочих здесь почти не было, только один какой-то дедок, в заляпанном известью комбинезоне непонятного цвета и бумажной шапочке на седой голове.

Я с тревогой посмотрел на часы.

Пять сорок пять. Но вокруг по-прежнему никого.

Вход в здание был только один, других не имелось. Окон я тоже не заметил, хотя это не значило, что их не было.

Пальцами нащупал прохладный ствол «Макарова».

Только сейчас подумал, что за все время ни разу не проверил, сколько в магазине патронов. Если Виктор дал мне его с полным боекомплект, то у меня должно было остаться еще семь патронов. Теоретически.

Поискал глазами туалет, но поблизости его не оказалось. Сделал небольшой круг по близлежащим дорожкам. Дождался, пока на часах стукнуло ровно шесть часов.

Я решительно подошел к входу, подготовил ключ. Отыскал замочную скважину, открыл замок. Толкнул ногой дверь.

Повторно осмотревшись по сторонам, я тщательно прикрыл за собой входную дверь, оказавшись в полумраке. Тут было тихо и прохладно.

Пахло сыростью. Света здесь было мало, однако я сразу заметил, что в дальней комнате тускло горела лампа накаливания.

Неуверенно направился туда. Оказалось, что там было что-то вроде подсобки, заставленной ведрами, мешками с цементом. В центре стоял обычный деревянный стул со спинкой. А сверху на нем лежала записка:

«Место встречи: кинотеатр «Прометей», сегодня в 20.00».

Я нахмурился, медленно выдохнул.

Суть прочитанного была понятна, но вызвала у меня только недовольство.

– Что за хрень?! Я что, мальчик на побегушках? – раздраженно произнес я. – Мне что, заниматься больше нечем?!

С досады пнул пустую банку из-под краски – та с грохотом отлетела в сторону.

Однако, несмотря на вспышку гнева, здравый смысл подсказывал, что место для встречи было изменено не просто так. Видимо, возникли какие-то новые обстоятельства и наверняка они весомые.

Смял бумажку, бросил ее в пустое ведро, заполненное грязной водой. Там откисали испачканные побелкой кисти и валики. Затем я быстро покинул здание «Лунопарка» и отправился в сторону кинотеатра.

Пройдя метров сто, сел на лавочку. Хвоста за собой я не заметил. То ли за мной никто не следил, то ли следили, но при этом очень хорошо маскировались.

Десять минут я просто сидел и смотрел по сторонам. Затем откинул голову и посмотрел в небо. Время близилось к закату.

Я вспомнил, что наступило восьмое сентября. Почти сразу вспомнил, что если брать в расчет предупреждение Лисицына и капитана Гнездова, сегодня должно что-то произойти. Но что?

Дата могла связывать любое событие, любую сферу деятельности. И все же, я нутром чувствовал, это как-то касалось электростанции...

Я настолько задумался, что даже глаза прикрыл. Почувствовал внезапно накотившую усталость. Хотелось взять да и растянуться на лавочке, немного поспать. Вот только первый

же патруль милиции, что будет проходить по этой аллее, непременно заинтересуется, то это за тело здесь разлеглось.

Вновь открыл глаза. Встал и продолжил движение к кинотеатру.

В общем-то, здесь было недалеко.

Однако до «Прометея» я не дошел.

На перекрестке аллей, у зеленой ограды справа стояла женщина. Казалось бы, ничего особенного – женщина как женщина. Вот только она пристально смотрела прямо на меня. Я намеренно замедлил шаг, пытаюсь понять – какого черта она на меня уставилась.

Она улыбнулась, качнула головой влево.

Там, между кустарниками, на лавочке сидел Павел Сергеевич и кормил крошками хлеба голубей. Те ухали, курлыкали и выхватывали друг у друга крошки.

Я прошел мимо женщины, которая тут же потеряла ко мне интерес.

Сел на лавочку.

– Добрый вечер, Павел Сергеевич, – стальным голосом произнес я.

– Привет, Алексей, – ответил он, продолжая отщипывать кусочки хлеба и швырять их птицам. – Рад тебя видеть. Целым и невредимым.

– Настолько рады, что решили сжечь дом, в котором я обосновался? – конечно же, я дерзил. Хотелось не играть в кошки-мышки, а понять уже, кто друг, а кто враг.

– Не понимаю, о чем ты. Но это и неважно.

– Зачем вы дали команду Рогову запереть меня в камере? – прямо спросил я.

– Чтобы тебя защитить.

– Да ну? – удивился я. – Это так теперь называется?

– Алексей, твой сарказм неуместен. Ты не понимаешь, что происходит в комитете. Я практически уверен, что наш общий знакомый, товарищ Черненко ни в чем не виноват. Однако ему предъявлены серьезные обвинения. Есть доказательства. Полковника подозревают в государственной измене, считают, что он неправильно использовал секретную информацию, способствовал ее передаче иностранной разведке.

– Чушь! – выпалил я.

– Я знаю. Большая часть улики сфабрикована.

– В комитете есть крот. Человек, который снял его с должности, пресек работу учебного центра и распустил перспективное подразделение «Барьер». Это же очевидно. Причем крот не простой, явно влиятельный.

Иванец не ответил.

– Ну, это я и так предполагал. А от чего вы хотите меня защитить? – поинтересовался я.

– Разве Лисицын тебе не сказал? – удивился тот.

– Не понимаю, о чем речь, – выдохнул я, хмуро разглядывая молодую сосну.

Павел Сергеевич посмотрел мне прямо в глаза и задал вопрос, которого я совершенно не ожидал:

– Ты не задаешься вопросом, почему тебя не ищет военная комендатура?

– Размышлял, только выводы неоднозначные. Просветите, почему же?

– Когда тебя забрали из Чернобыля-2, та машина направлялась вовсе не в Припять. Точнее туда, но она просто не доехала бы до пункта прибытия. На машину коменданта должны были совершить нападение. Именно поэтому вмешался наш оперативник и вытащил тебя оттуда.

– Лисицын! Это он обезвредил моих сопровождающих!

– Да. Сопровождающий тебя офицер действительно был из военной комендатуры. Капитан Жмыхайло. А вот все остальные, включая водителя, не являлись сотрудниками комендатуры и вообще не были военными. Не исключая, что их задача заключалась убрать тебя так, чтобы ты не доехал до места прибытия. Несчастный случай, например. Понимаешь?

– Меня хотели убить?

Отец Генки только неопределенно кивнул.

Налицо какая-то сумбурность в происходящем. Сначала история с побегом из машины военной комендатуры, затем поджег дома, в котором я жил. Что, черт возьми, происходит? Кто все это делает?

– Кому и чем я помешал? – подумав, я задал простой, но важный для меня вопрос.

Павел Сергеевич ответил не сразу.

– Факторов много. Но считаю, что определяющим был момент, когда Алексей Владимирович Черненко, а после и капитан Гнездов написали рапорта, в которых черным по белому было написано, что у тебя повышенный интерес к атомной электростанции. Ты был одержим обучением, сразу же обратил на себя внимание преподавателей. Твои действия, разговоры... Все проявленные успехи на занятиях и вводных были учтены. Один из твоих товарищей подтвердил подозрения насчет тебя. Кто-то из комитета эти рапорта прочитал и сделал соответствующие выводы. Возможно, есть что-то еще. Полагаю, причина все-таки в этом. Скажи, а с чего ты вообще взял, что на станции присутствуют диверсанты? Как ты догадался, что для атомных реакторов ЧАЭС есть какая-то угроза?

– Интуиция, наверное, – соврал я. Про расследования Григория я решил не говорить. Ведь это он натолкнул меня на мысль, что аварии на ядерных объектах СССР происходят не просто так. – А впрочем... Вы наверняка знаете, что на аэродроме Овруч я задержал представителя иностранной разведки. Вывод, что первоочередная цель – это радиолокационная станция «Дуга-1», напрашивался сам собой. Но вывести такой защищенный объект из строя невозможно. Даже крайние меры не помогли. Очевидно же, что от идеи враг не откажется и пойдет с другого направления. То есть, с атомной электростанции... При техногенной катастрофе автоматически прекращает работу и ЗГРЛС. Радиационный фон, отсутствие необходимого количества электроэнергии для работы антенн и ретрансляторов, общая негативная обстановка... Отсюда я и сделал вывод. И оказался прав.

– Верно, – вздохнул Павел Сергеевич. – Я не должен тебе этого говорить, но все же скажу. Сегодня, в четыре часа дня, на третьем энергоблоке Чернобыльской АЭС был пойман диверсант...

Сложно описать то, что я почувствовал. Накатил целый шквал мыслей.

Диверсант... Пойман? А как же авария? Как же двадцать шестое апреля восемьдесят шестого?

Выходит, попытка диверсии не удалась? Значит, они попробуют еще раз!

Глава 6. Попался!

С момента нашего разговора прошли сутки.

Перед уходом, с инициативы Павла Сергеевича, женщина, что я видел ранее, выдала мне ключи от пустующей однокомнатной квартиры на краю города. Никаких инструкций касательно моих дальнейших действий я не получил. Ну, кроме одного – никуда не лезть и не высовываться.

Встреча с чекистом оказалась весьма продуктивной. Во-первых, выяснилось, что он мне не враг. Пусть и в друзья его не запишешь, но хотя бы – не враг. Во-вторых, я узнал, что если бы Лисицын тогда не вмешался, скорее всего, я бы уже лежал где-то в лесочке, присыпанный землей. В третьих я понял, что комитет уже осведомлен о присутствии на АЭС посторонних лиц и того факта, что для всего предприятия имеется непосредственная угроза.

Ну и на сладкое – заявление о том, что чекисты взяли диверсанта с бомбой. Уж не знаю, насколько это правда, но вряд ли он стал бы врать. Никакого смысла во лжи не было в принципе.

Ничего существенного он больше не сказал, и мы разошлись.

Вот только меня все не отпускала одна мысль – если диверсанта взяли, кто же тогда устроил поджог дома? Вывод напрашивался сам собой – работает не один человек, а целая группа. Есть свой человек в комитете, причем влиятельный. Черт возьми, да тут целая банда обосновалась.

Уж не знаю, чем руководствовались эти люди, но некоторые их решения и действия казались мне какими-то хаотичными, поспешными. Как-то все бессистемно, необдуманно.

Но итоги были неутешительными – меня почему-то воспринимали как угрозу. Быть может, считали каким-нибудь внештатным сотрудником КГБ?

Сейчас передо мной никаких серьезных задач не стояло. Петров с головой ушел в расследование серии убийств – случилось еще одно, пятое по счету. Но меня это не волновало – у каждого свои проблемы.

По мнению комитетских получалось, что они предотвратили диверсию. И честно говоря, по истории я не помнил, действительно ли что-то подобное было в сентябре восемьдесят пятого или нет. Скорее всего, потому, что это держалось в секрете. И не факт, что подобное вообще было.

Но вряд ли враг на этом остановится, очевидно же. Чекисты взяли лишь исполнителя. Пешку.

Еще один погиб, разбившись о понтон. Значит, уже минус два. Сколько же их там на самом деле?

Определенно, будут еще попытки устроить аварию, но вряд ли гэбэшники это понимают. Угроза никуда не делась и ее масштабы куда серьезнее. Двадцать шестое апреля по-прежнему является тем самым днем «икс». Однако тут можно размышлять очень долго...

Если провести мозговой штурм, то вряд ли идея с бомбой будет реализована повторно. Я еще больше укрепил свою уверенность в том, что для следующей попытки непременно будут использованы сразу несколько факторов. И дефекты реактора стоят далеко не на последнем месте. Враг определенно больше не допустит такой ошибки.

А что касается коллеги по несчастью... Не было у меня уверенности, что Андрей Петров передумает. Сложный он какой-то, на своей волне. Для того, чтобы он решился помогать мне, должно возникнуть серьезное обстоятельство, вот только какое?

Нет, использовать какие-то левые махинации, чтобы склонить его на свою сторону, я не собирался. Это низко и подло с моей стороны. Он должен решиться сам, я не вправе навязывать свое мнение.

Вообще, его ответ тоже неоднозначный. Он вроде как и не согласился, но и не отказался. Однако напоследок упомянул, что я могу рассчитывать на его помощь. Сказано это было так, что и выводы можно сделать какие угодно. Впрочем, время еще есть – кто знает, вдруг вмешается какое-то серьезное обстоятельство, которое заставит его передумать?!

* * *

Следующие несколько дней было тихо.

Связь с внешним миром для меня почти прервалась.

Как и сказал Андрей, со всех стендов «Их разыскивает милиция» мой фоторобот действительно пропал. Вчера, при вечерней прогулке, случайно наткнулся на милицкий патруль, который не обратил на меня никакого внимания.

Деньги из схрона Лисицына заканчивались. И хотя тратил я их только на питание в столовой, долго это продолжаться не могло. Ни о какой работе и речи быть не может...

Фактически, я все еще был дезертиром. Павел Сергеевич ничего не сказал о моем возвращении в учебный центр, а значит, это обстоятельство под серьезным вопросом. Правда, почему молчала комендатура, мне было совершенно непонятно. Капитан Жмыхайло, получив в ноги пару резиновых пуль, должен был дать какой-то ход инциденту, но почему-то не дал. И это напрягало. Ему что, заткнули рот? Или убрали, как ненужного свидетеля?

Черт возьми, насколько же глубоко влияние того человека, что стоит за всеми этими делами?! Даже не верится, что в Союзе могло происходить подобное.

Однако не стоит недооценивать контрразведку иностранных государств. История знает такие случаи, когда предпринимались просто немыслимые многоходовки.

В любом случае, сейчас я находился в подвешенном состоянии.

Если с «полковником Андреем» работать было относительно просто, то с отцом Генки дела обстояли иначе. Я предполагал, что он один из местных начальников отдела внутренней безопасности, однако разговоры с ним проходили в другом свете. Особой лояльности ко мне он не испытывал, просто ограниченно делился информацией. Да и с чего бы? Думаю, он вообще не стал бы со мной возиться, если бы не тот факт, что я спас его сына.

Все, что касалось деятельности учебного центра на станции, было скрыто под завесой тайны. Пожалуй, неведение – самое худшее. Вопросов по-прежнему было много, а ответы получить было просто не у кого.

Почти три дня я безвылазно сидел в квартире, покидая ее только для того, чтобы пообедать или поужинать. Все остальные перемещения мне ограничили. Точнее, не ограничили, а порекомендовали ограничить. Это разные вещи. Но я был уверен, за мной все равно кто-то наблюдает и докладывает, куда нужно, обо всех действиях.

Однажды, когда я уже собирался ложиться спать, раздался телефонный звонок.

Событие поставило меня в тупик – кто мог знать о том, что я здесь? Кто вообще станет сюда звонить?

Квартирка-то маленькая, совсем не обустроенная. Из мебели только стол, стул, да кровать. Все.

Подождал к телефону, выждал несколько секунд и взял трубку.

– Да?

– Чего так долго, Савельев?! – раздался оттуда возмущенный голос. Сразу его узнал. Лисицын.

– В ванной был, – соврал я. – Что-то случилось?

– Можно и так сказать. Наверняка ты в курсе, что на ЧАЭС взяли диверсанта несколько дней назад. Так вот, никаких существенных показаний он не дал. А сегодня утром неожиданно помер.

– Как так? – удивился я. Удивился, скорее для вида.

– Неизвестно. Проводят экспертизу, но это займет немало времени. В общем, у меня к тебе есть дело.

Я промолчал, потому что заподозрил неладное.

– Да ты не нервничай, Савельев! – голос у Лисицына звучал странно. – Твой бывший командир, старший лейтенант Паршин, не внушает нам доверия. Предполагаю, что он получал от кого-то соответствующие указания спровоцировать конфликт. Развалить взаимоотношения между остатками подразделения. Гнездова убрали не просто так, а для того, чтобы на его место поставить своего человека. Его, Паршина!

– Не совсем понятно... Какова моя роль в этом?

– А вот это тебе не понравится, – загадочно произнес Лисицын. Затем просто положил трубку.

Секунд тридцать я стоял как статуя, с прижатым к уху куском пластика.

Выругался – интриган хренов. Что за игры? Если я молодой, это не значит, что мной можно вертеть как угодно.

Остаток вечера прошел без каких-либо событий, поэтому я лег спать. Сон поначалу не шел, но, в конце концов, я все-таки задремал. Спал плохо, постоянно просыпался.

А утром я подскочил с кровати словно ужаленный – в дверь настойчиво постучали. Очень настойчиво.

– Кто? – спросил я, не открывая замка.

– Полевая почта! – ответили с той стороны.

В глазок я разглядел знакомую физиономию Лисицына. Тот был в гражданской форме одежды.

Открыл дверь, жестом пригласил войти. Но тот с порога заявил:

– Нет, я тут не для этого! Держи! – он решительно сунул мне конверт, после чего развернулся и ушел. Послышались удаляющиеся гулкие шаги на лестнице.

Пожав плечами, я закрыл дверь. Разорвал конверт и вытащил наружу три черно-белых фотографии. На одной из них был изображен старший лейтенант Паршин в гражданской форме. Судя по всему, фото сделано со стороны втайне. На втором фото он же, в кафе «Припять». За одним столиком с ним сидел какой-то человек в плаще. На столе стоял чемодан. А на третьем снимке тот же незнакомец в плаще, только теперь было хорошо различимо его лицо.

– Да зараза... – с досадой выдохнул я, опознав запечатленного на фото человека.

Швырнул фотографии на стол. Уставился в потолок.

Это был тот самый поджигатель, что разбился о понтон. Ошибки быть не могло – у меня хорошая память на лица.

Получился замкнутый круг. Разобраться в хитрых переплетениях, интригах было просто невозможно. Я не мент, совсем не детектив. В голове гудело от обилия происходящего. Невольно возникало желание бросить все и убраться куда-нибудь подальше от всей этой неразберихи.

Но вместе с этим возникал вопрос, а зачем Лисицын вообще передал мне эти фотографии?

Имелся и второй вопрос – тело поджигателя наверняка нашли, все-таки в портовой зоне достаточно рабочих. Почему не было огласки?

Перевернул фото, на одном из них значилось: «Лазурный», сегодня в 10:00.

Нахмурился – надоела эта игра в шпионов. Устроили никому не нужный цирк.

Неожиданно меня затошнило. Решил выбраться из дома, немного прогуляться. Сейчас была суббота, погода спокойная и солнечная. Заварить бы чашечку кофе, выйти на балкон и понежиться на солнышке. Да только ни кофе, ни балкона у меня не было. А была масса

вопросов и осознание, что я в дерьме. Несмотря на то, что вроде как соприкасаюсь с КГБ по некоторым вопросам, одновременно я понимал – никому до меня дела нет.

Они взяли диверсанта. Наверняка командование обрадовалось, бдительность тут же снизилась. А ведь это только начало сложного процесса, первая попытка противника исполнить задуманное. Дальше будет хуже.

Вполне возможно, что заварившаяся каша – из-за меня. Вполне возможно, что я своими действиями спровоцировал их действовать иначе, раньше срока. Хотя подразделения «Барьер» больше и нет, наши парни находятся в числе тех, кто охраняет ЧАЭС. Как минимум Артем Горчаков... Я ведь успел сообщить ему о своих подозрениях, и он понял меня правильно. Этот будет на чеку, если его как-то предупредить. Но что может один человек? Впрочем, никаких особых надежд на своих бывших сослуживцев я не возлагал...

Выбравшись на улицу, я полной грудью вдохнул свежий воздух. Выдохнул.

Голова слегка закружилась, но это нормально. В кровь резко попало большее количество кислорода – последствия того, что я сидел в четырех стенах.

Вообще, квартира, в которой я обосновался, находилась почти на самой окраине Припяти. Девятиэтажный дом с номером семь располагался на пересечении улиц Гидропроектвской и Семиходской. Район почти пустой, ничего интересного здесь не было.

Направился в сторону улицы Героев Сталинграда, откуда можно было спуститься на Лазарева. Никакой конкретной цели у меня не было, просто хотелось пройтись и привести мысли в порядок. Вполне возможно, что кто-то из комитетских сел мне на хвост – мне было все равно. Я настолько устал от высиживания в четырех стенах, устал прятаться, что просто забил на указания. С какого перепугу мне исполнять чьи-то команды? Комитетчики сами не понимают, что происходит и какова реальная угроза.

Да, если засесть в нору и молча выжидать, то, возможно, КГБ все и разрулят сами, хотя я не верил в подобный исход. Вполне может сложиться, что авария произойдет не двадцать шестого апреля, а раньше или позже – ведь ход событий уже был нарушен. Опять же, можно только гадать, как будут развиваться события дальше.

Только сейчас пришло в голову, что если раньше у меня было преимущество – я знал дату, время и место. То теперь, все с ног на голову перевернулось. Когда угодно, где угодно. Если в прошлой жизни объектом был энергоблок номер четыре, то сейчас им мог оказаться любой из оставшихся. И кто знает, вдруг к тому времени успеют достроить и запустить третью очередь?!

Дерьмо! Я, если взглянуть на обстановку в целом, по-прежнему, ни на шаг не приблизился к решению проблемы. Только обрастаю новыми... Топчусь на месте.

Размышляя, я незаметно добрался до перекрестка, свернул к центру города.

Вдруг услышал звук сирены. Оглянулся – через перекресток проезжал белый рафик скорой помощи. Он свернул влево, завернул во двор, прямо передо мной. Затем почему-то развернулся и сдал назад. Приостановился.

Из окна водителя высунулся пожилой мужик грузинской наружности. По крайней мере, нос принадлежал именно этой нации.

– Слушай, дарагой! Гдэ тут дом номер шыстнаццать, а? Первый день работать, путаюся ищо. Сделай доброе дело, памаги, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.